

КЭТРИН М.
ВАЛЕНТЕ
СИЯНИЕ

ЛУЧШАЯ КНИГА ГОДА В КАТЕГОРИИ «НФ И ФЭНТЕЗИ»

ПО ВЕРСИИ BUZZFEED, IO9, KIRKUS REVIEWS И RT BOOK REVIEWS

Кэтрин Морган Валенте

Сияние

Серия «Мастера магического реализма (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51683334
К. М. Валенте. Сияние: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-102300-3

Аннотация

Северин Анк – дочь знаменитого режиссера готических драм в альтернативном прошлом, где эра звуковых фильмов так и не наступила. Северин не по нраву фильмы отца, полные страстей, интриг и призраков, поэтому она решает сделать карьеру документалиста и отправляется в путешествие по Солнечной системе, изучая культы левитаторов на Нептуне или нелегальные салуны на Марсе. Ведь это не наш мир и не наша Вселенная, а воплощенная утопия, где каждая планета обитаема, космос полон приключений, а люди путешествуют в изящных комфортабельных ракетах. Вот только даже в этом прекрасном мире существуют опасности, и последний фильм Северин приводит ее к загадке исчезнувшей подводной колонии на Венере, населенной огромными созданиями, размером с целые острова. И эта загадка окажется гораздо страшнее и мрачнее, чем

думала как сама Северин, так и земляне вообще, и есть большая вероятность того, что с этих съемок далеко не все вернутся живыми.

Содержание

Хронология	6
Места действия	10
Явитесь!	12
Ох уж эти скандальные звёзды!	23
Часть первая. Белые страницы	31
Предпроизводственное совещание по «Тёмно-синему дьяволу»	37
«Тёмно-синий дьявол»: Приди и найди меня	49
Ох уж эти скандальные звёзды!	130
Посмотрите вниз	136
Руководство инженеру	139
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Кэтрин Валенте

Сияние

Catherynne M. Valente
Radiance

© 2015 by Catherynne M. Valente
© Наталия Осояну, перевод, 2020
© Василий Половцев, обложка, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

*Хиту, который поведал мне о свете, и моему
отцу, который научил меня правилам съёмки*

Хронология

(Некоторые даты указаны приблизительно, ввиду известных проблем с согласованием стандартного и транзитного субсветового календарей)

1858: Конрад Верныгора и Карлотта Ксантея запускают «Древо познания» с Гавайских островов (Земля)

1872: В Марракеше (Земля) на свет появляется Вайолет Эль-Хашем

1876: Основана корпорация «Мальцовое молоко Хатор»

1883: Родился Персиваль Анк

1891: Родилась Мэри Пеллам

1902: Прозерпина, американская колония на Плутоне, уничтожена. Причины неизвестны

Август 1908: Первая значимая роль Мэри Пеллам («Встретимся на Ганимеде», реж. Эстер Хименес-Штерн)

24 марта 1914: Первый эпизод «Сколько миль до Вавилона?» транслируют по всей внутренней Солнечной системе

19 октября 1914: В Титоне (Луна) появилась на свет Северин

6 января 1915: Премьера «Красного зверя Сатурна» (реж. Персиваль Анк)

15 января 1916: В местечке Гуань-Юй (Марс) родился Эразмо Сент-Джон

1917: Энио, русский шахтёрский посёлок на Марсе, уничтожен. Причина неизвестна

3 июля 1919: Премьера «Нет владыки над надеждой» (реж. Персиваль Анк)

1921: Северин впервые видит Мэри Пеллам в «Соблазнении мадам Мортимер» (реж. Таддеус Иригарей)

1922: Персиваль Анк и Мэри Пеллам женятся

1924: Выходит «Похищение Прозерпины» (реж. Персиваль Анк)

3 июля 1924: В Адонисе (Венера) появляется на свет Анхис Сент-Джон

14 января 1930: Из гавани Титона вылетает яхта «Ахелоида», на борту которой устраивают вечеринку в честь завершения съёмок «Происшествия на Миранде» (реж. Таддеус Иригарей)

1936: Выходит «Автопортрет с Сатурном» (реж. Северин Анк)

Рождество 1937: Между Эразмо и Северин возникает романтическая связь

1938: Выходит «Королева голода с Фобоса» (реж. Северин Анк)

1939: «Камень в свивальнике» отправляется во Внешнюю систему

1940: Построен «Моллюск»

1940: Пятая венерианская перепись населения, последнее документальное свидетельство о деревне Адонис

1941: Выходит «И море в тот же миг припомнило...» (реж. Северин Анк)

1943: Выходит «Спящий павлин» (реж. Северин Анк)

Июнь 1944: Московская всемирная выставка / «Моллюск» отбывает на съёмки «Сияющей колесницы, воробьями твоими влекомой» (реж. Северин Анк)

16 ноября 1944: «Моллюск» приземляется на станции Белый Пион, для проведения главных съёмок «Сияющей колесницы»

21 ноября 1944: Съёмочная группа «Сияющей колесницы» отбывает со станции Белый Пион

1 декабря 1944: Съёмочная группа прибывает в Адонис (Венера), происходит первый контакт

2 декабря 1944: Начинаются слуховые феномены

3 декабря 1944: Северин исчезает

1946: Эразмо Сент-Джона допрашивают на студии «Ок-сблад»

10 октября 1947: Похороны Северин in absentia ¹

1951: Похороны Северин

1959: Начинается производство «Тёмно-синего дьявола» (реж. Персиваль Анк)

Весна 1959: Посмертная публикация книги Эразмо Сент-Джона «Голос, которого нет»

1960: Существенная переработка «Тёмно-синего дьявола», смена названия на «Человек в малахитовой маске» (реж.

¹ В отсуствии (лат.) – здесь и далее примеч. пер.

Персиваль Анк)

Зима 1961: Существенная переработка «Человека в малахитовой маске», смена названия на «Сон Мальцового Доктора» (реж. Персиваль Анк)

Лето 1961: Существенная переработка «Сна Мальцового Доктора», смена названия на «И коль она не умерла, как прежде там живёт» (реж. Персиваль Анк)

Декабрь 1961 – октябрь 1962: Съёмки «Тёмно-синего дьявола» «Человека в малахитовой маске» «Сон Мальцового Доктора» «И коль она не умерла, как прежде там живёт»

Места действия

Луна

Меркурий

Венера

Земля

Марс

Юпитер

Сатурн

Уран

Нептун

Плутон

Будучи не в силах вернуться по своим следам во Времени, мы приняли решение двигаться вперёд в Пространстве. Неужто никогда мы не сумеем

скользнуть *вверх* по течению реки Времени и взглянуть на дом, где прежде жили, и людей, которых знали? Возможно, когда фонограф и кинезиграф усовершенствуют и какой-нибудь трудяга грядущего решит проблему цветной фотографии, наши потомки сумеют обмануть самих себя чем-то очень похожим, но им достанется всего лишь пустая скорлупка – бездушный фантом, и ничего кроме. «Но как тяжело о мертвой руке тосковать, слышать голос, которого нет!»²
Вордсворт Донисторп, изобретатель кинезиграфа

Свет создаёт фотографию. Примите свет. Восхититесь светом. Полюбите свет. Но прежде всего – познайте свет. Познайте его всеми фибрами души, и вы получите ключ к фотографии.
*Джордж Истмен*³

Говорящие картинки – это всё равно что помада на губах Венеры Милосской.
Мэри Пикфорд

² Как и название упомянутой раньше книги Эразмо Сент-Джона, это цитата из стихотворения Альфреда Теннисона «Break, break, break» («У моря», пер. С. Маршака).

³ *Джордж Истмен* (1854–1932) – американский предприниматель и изобретатель, основатель компании «Eastman Kodak».

Явитесь!

Явитесь. Явитесь из летней жары и роя мошкары. Явитесь из той атаки на все чувства, подвергающей усиленному обстрелу палочки и колбочки, барабанные перепонки и волосковые клетки. Явитесь из лучей великого солнечного прожектора, который скользит по белым пескам, превращая каждого – и, следовательно, никого – в звезду.

Ступите внутрь и повстречайтесь с Прологом.

*Там, где вы оказались, темно. Вокруг царят доброжелательные тьма и прохлада. Что бы ни случилось, Пролог приветствует вас радушно, принимает безоговорочно, ведёт себя любезно, предоставляя всё необходимое для того, чтобы вы сумели справиться с тем, что будет дальше. Пролог терпелив. Ему частенько говорили, что в нём нет совершенно никакой необходимости, он всего лишь нарост на истории, который мудрый доктор должен срезать. Время от времени Прологу случалось обнаружить, что двери в более фешенебельные заведения для него закрыты – те заведения, где горят свечи и блистает хрусталь на устланных белым столах, подготовленных для элегантно одетых *In medias res* ⁴ – совершённого в полночь изысканного убий-*

⁴ «В середине дела» (лат.) – термин традиционной поэтики, обозначающий начало действия или повествования с центрального эпизода фабулы, без экспозиции, предыстории и пр.

ства или справно́го музыкального номера. Пролог не переживает из-за этого. Он был в моде, когда пьесы ещё начинались с жертвоприношений; если застать его в нетрезвом виде, Пролог расскажет, что любое представление, в котором действие возникает спонтанно, без пары тёлок, горящих посреди авансцены, по-прежнему кажется ему весьма безвкусной затеей. Пролог – прародитель историй и владыка публики. Он знает, что зрителей надо вовлекать в происходящее неторопливо, обучая их тому, как себя вести. Требуется всего лишь немного музыки; спокойная игра световых пятен; проблеск обнажённой кожи; хороший, крепкий монолог, чтобы ввести всех в курс событий, а иначе известие о том, кто станет королём Шотландии, будет им так же нужно, как ведьме третья титька.

В прологе вы снимаете пальто. Расслабляетесь. Оставляете туфли у порога. Призываете музу, раскладываете флеш-рояль богов, коих хотите привлечь к делу. О муза, о богиня. Пой, говори, плачь. Излей на меня песнь гневную. Сдай мне оружие и беглеца. Схвати горн и изобрази мне голос многомудрого путешественника, который не смог вернуться домой. Прибереги кресло в первом ряду для демиурга в маске, тёплое местечко для неутомимого старого Мира-в-Пустоте, или пеняй на себя.

Итак, входите. Пусть глаза ваши привыкнут. Нам ваши глаза понадобятся. Пусть зеленовато-жёлтый кругляш солнечного послеобраза растворится в черноте, которую

мы заботливо обеспечили. Половицы скрипят под ногами: гладкие, пружинистые доски, зелёные, как оливка в мартинни, только что из лесов Ганимеда. Под жёлтой политурой можно учуять их запах. Пепел и медь. Пусть тьма дочиста выскоблит ваши уши, выскребет из них пузырящуюся шампанскую какофонию мира, который вы только что оставили позади. Нам нужны ваши уши. И ещё нам нужны ваши руки. Мы ведь все приматы, в конце концов. Мы любим прикасаться; мы любим ощупывать предметы. Ничто не реально, пока ты не можешь до него дотронуться. Со временем зрение обретёт чёткость; тени рассеются и разделятся как занавески. Ваши беспокойные пальцы обнаружат страницы, фотографии, большие и малые предметы – большей частью малые, – расположенные на подставках из уранского солевого камня, высеченных в виде вздыбившихся, увенчанных пеной волн, которые как будто вручают вам на хранение останки некоего кораблекрушения.

Идите, идите же сюда, здесь столько ещё можно увидеть.

Но не садитесь, нет. Нам надо, чтобы вы стояли. Тут у нас проектор, прямо тут – осторожнее, сэр, – справа от вас. И ещё один – берегите юбки, мадам, – слева. Но экрана вы не увидите. Вы и есть экран. Если вы соберётесь все вместе... да, именно так, встаньте рядом, как славные маргаритки. Высокие позади, низенькие в первом ряду. Итак, если вам удобно, мы можем начинать.

Это история о том, как видеть. Это история о том, как быть увиденным. Всё прочее – лишь средство. Уши помогают; руки утешают. Значение имеют только глаголы, связанные со зрением: гляди, смотри, узри, заметь. Взглядись. Созерцай. Засвидетельствуй. Глаз – наш владыка, и глаз поклоняется свету. То, что творит свет, суть благо; то, что его отнимает, суть страх. Мы забрали у вас свет, но вернём. Судите об этом так, как сочтёте нужным.

Господь – уж простите за столь громкое заявление в самом начале нашего знакомства – это глаз.

Было бы гораздо лучше, если бы вы согласились разоблачиться. Кожа – самый сокровенный и безупречный из экранов. Но поскольку вы явились из такого множества портов и сторон света, мы не ждём, что ваши табу по части приличий безупречно совпадут с нашими... О, спасибо, мисс, вы очень любезны. И вы, сэр, мы у вас в большом долгу. У почтенной дамы сложности с костюмом; вы не могли бы ей помочь, юная леди? Спасибо. Вы проявили чудесное великодушие и отсутствие предрассудков. Вы зрители, каких мы не заслуживаем. Возможно, вы почувствовали облегчение, сбросив шелка и кожу после такой жары? Как бы там ни было, мы потрясены. Мы попытаемся в той же степени обнажиться, в той же степени оголеться, сделаться в той же степени уязвимыми для радужки и зрачка, чьи укусы всегда намного яростней зубов.

Шум и стрёкот проекторов похожи на шум ветра, что

внезапно поднялся посреди широкой пустыни. Посмотрите вниз. Вы видите, как женщина с тёмными волосами и грустными глазами молча движется по вашим животам, вашим грудям, вашим бёдрам, вашим лодыжкам. Перевернутая, обесцвеченная, мерцающая. Изогнутая и рассечённая изгибами ваших тел и возрастом плёнки. Вы её видите такой же, какой видите всех в этом мире: искажённой, перекошенной, перевернутой, преломлённой, искривлённой, изувеченной временем.

Возможно, вы узнаете сцену. В конце концов, когда-то это был известный фильм. Когда-то она была знаменитой. Я слышу, как вы называете её по имени, сэр, – но это наше представление, так что умоляем позволить нам раскрыть всё в нужный момент.

Заметьте: в кино на вашей груди – день. Съёмочная группа готовится к утренним съёмкам. Ведущий оператор, массивный широкоплечий малый с элегантными усами, бреется перед зеркалом, прибитым к дереву какао. Зеркало висит под ухарским углом, наполовину воткнутое в бархатистую чёрную кору. По этому дереву вы понимаете, что растёт оно на поверхности Венеры, недалеко от моря. Позднее лето. На линзе объектива поблескивают капельки дождя.

Да, мой дорогой друг, вы и его тоже знаете по имени. Вы чертовски умны.

Ведущий оператор использует опасную бритву с инкрустацией в виде резной пластинки из окаменелых водорослей.

*Вы её найдёте у восточной стены. Не бойтесь; острой она не была со времён своей развратной молодости. Лезвие принадлежало его дедушке, матросу с торгового корабля, который играл на фаготе – чрезвычайно непрактичный инструмент для моряка, но как же старик любил свою дудку!*⁵ *Резьба на рукояти изображает морского змея, и каждая его чешуйка, круглая как ноготок, вырезана с любовью. Ведущий оператор обнажён по пояс, и кожа его тёмная, как неотснятая киноплёнка, лицо угловатое и широкое. В зеркале он замечает женщину и резко поворачивается, чтобы подхватить её на руки. Он её целует – звучно, но вы не слышите, – и пачкает её лицо кремом для бритья. Она бесшумно смеётся и бьёт его кулаком по руке; он отстраняется, изображая мучительную боль. Милая сцена. Некая призрачная досада загорается и гаснет в глазах женщины, точно фотовспышка, и самоуничтожается, превращаясь в любовь.*

Заметьте: в кино на ваших ногах – вечер. Маленький мальчик в комбинезоне мальцового ныряльщика опустив голову бродит по кругу там, где раньше располагался центр посёлка под названием Адонис. Дома и постройки выглядят так, словно их исполосовали огромными рогами: разодранные, вскрытые. Руины покрывают длинные, неряшливые полосы чего-то, похожего на белую краску. Но это не краска. Адонис, потерянный город, уничтоженный, стёртый с лица

⁵ Отсылка к произведению С. Т. Кольриджа «Поэма о Старом Моряке» («Сказание о Старом Мореходе»).

земли без причины, без предупреждения. Загадка, которая заставила женищину пересечь космос и приземлиться посреди алых морей Венеры. Мальчик не поднимает головы, пока камера за ним наблюдает. Он не понимает, что его видит съёмочная группа, грядущая публика, мы. Он не видит собственного эха; он не слышит собственной проекции. Он просто кружит, кружит, кружит, снова и снова. Испорченная плёнка пропускает кадры и дёргается; мальчик как будто движется по кругу рывками, то появляясь, то исчезая из поля зрения. Облака медленно опускаются длинными, расплывчатыми спиралями. Целлулоид превращает безжалостное апельсиновое солнце Венеры в ослепительно-белую новую звезду. За мальчиком и руинами из пенного моря под названием Кадеи выглядывают перламутровые острова: мальцовые киты – целая стая, молчаливая, недвижная и бледная.

Итак. Вглядитесь, узрите, свидетельствуйте: третий проектор включается, дрожа, он видит, но остаётся невидимым, спрятанным за занавесом. Он направляет луч света на смеющуюся пару, крем для бритья, бритву, что когда-то принадлежала дедушке, любившему играть на фаготе. Изображение поверх изображения поверх плоти. Кажется, что женищина покидает объятия возлюбленного и вступает в бальный зал, внезапно превратившись в девочку с надутыми губами и кислым выражением лица, почти утопающую в жёстком кружеве и кринолине – наряде в духе од-

ного из тех старых готических фильмов, которые мы так любим; может, вы его назовёте, сэр? Вы так много знаете; я ни на миг не поверю, что вы не вспомнили о «Призраках Моря Облаков», чудесном и омерзительном шедевре, благодаря которому режиссёр, Персиваль Анк, получил первую награду Академии. На вашей прекрасной груди разворачивается классическая сцена в бальном зале, где злодейку в окровавленной одежде настигает давно заслуженная кара. Маленькую девочку мы видим присевшей на корточки с несчастным видом возле фонтана с рисовым вином, где она грызёт ногти и плюётся отгрызенными кусочками в кружащихся танцоров. Великолепные платья вальсирующих призраков скользят мимо её лица, точно вуали.

Прошу вас, леди и джентльмены! Ваши протесты разрушают таинственную тишину нашей маленькой вселенной. Я вижу, вы буквально из кожи вон лезете. Вы должны быть готовы к этим перерывам, переменам, пересечениям. Они необходимы. Они – выдохи мертвецов. Люди не движутся упорядоченным образом от одной сцены к другой. Случайность подмяла под себя память; надежда и ужас раскинулись сверху. Наши дни и ночи – их бесконечные оргии.

Итак, слушайте: наш фонограф, потрескивая, издаёт голоса мужчины и маленькой девочки, той самой девочки, которая в этот миг мелькает серебром и чернотой на ваших бедрах, прижимает к лицу сжатые кулачки под пиршественным столом кровожадной Кларены Ширм.

– Сколько начал может быть у истории, папа?

Мужчина посмеивается. Смешок у него милый, табачно-бархатистый, и этот смешок говорит: «О, какие вопросы задаёт моё дитя!»

– Столько, сколько влезет, ягнёночек. Но только одна концовка. Или, может быть, всё наоборот: одно начало, но целая пасхальная корзина концовок.

– Папа, не говори глупости, – выговаривает ему девочка тоном, который свидетельствует о привычке добиваться своего. – История должна где-то начинаться. И потом она должна где-то закончиться. В этом весь смысл. Так всё устроено в реальной жизни.

Мужчина снова смеётся. Вам нравится его смех. Мне нравится его смех. Мы не можем ничего с собой поделатъ, нас охватывает благорасположенность к человеку, который так смеётся, хотя на самом деле смех ему не принадлежит – он выучил этот смех в университете, прилежно скопировал у любимого профессора по сценарному мастерству, как вы или я могли бы скопировать то, что сосед написал на экзамене.

– Но в реальной жизни всё происходит совсем не так, Ринни. Реальная жизнь состоит из начал. Дни, недели, дети, путешествия, свадьбы, изобретения. Даже убийство представляет собой начало убийцы. Возможно, серийного убийцы. Всё есть пролог. Каждая история по сути своей заика. Она всё начинается и начинается, пока ты не выразишь

камеру. В половине случаев ты даже не понимаешь, что выбор блюд к завтраку представляет собой начало истории, которая не сложится, пока тебе не исполнится шестьдесят и ты не уставишься на пирожное, сделавшее тебя вдовцом. Нет, любовь моя, в реальной жизни можно прожить весь отпущенный тебе срок, не закончив ни одной истории. А иной раз даже не начав как следует.

– Папа, ты заговариваешься. Ада говорит, ты должен прекратить так делать. Она говорит, ты как шар, заполненный горячим воздухом.

– Уверен, я много чем заполнен. Ну ладно, раз уж ты так любишь правила! Я прямо сейчас придумаю для тебя несколько, чтобы моя малютка не бродила по миру, похожему на суп из историй, приготовленный без рецепта. У рассказа может быть в точности три начала: одно для публики, одно – для творца, и одно – для бедного засранца, которому придётся всё пережить.

Сквозь треск фонографа льётся смех, словно мелодичный водопад. Девочка понижает голос до шёпота:

– Я люблю, когда ты говоришь нехорошие слова.

И в этот миг ребёнок выпрыгивает из фантасмагорической массы танцующих привидений, из кадра, из «Призраков Моря Облаков», и сливается, мерцая, с фигурой венерианского мальчика, чьё серьёзное лицо так похоже на её собственное, и он продолжает нарезать бесконечные круги на серой лужайке.

Зовут её Северин Анк. Ей десять лет. Она разговаривает со своим отцом, Перси.

Она мертва. Почти наверняка мертва. Практически окончательно мертва. На телефонные звонки, по крайней мере, точно не отвечает.

Добро пожаловать. Это начало – ваше начало. Мы его приберегли специально для вас. Приступим?

Ох уж эти скандальные звёзды!

«Все по местам!», 3 июля 1919 г.

Колонка редактора

Мои дорогие, если бы я только мог взять вас всех с собой! Просто взять на ручки, забрав из ваших гостиных и кухонь прямо в передниках и пальто, да и перенести на блистающую премьеру последней захватывающей картины Персиваля Анка «Нет владыки над надеждой»! С каким удовольствием я сыграл бы роль Деда Мороза и появился на кобальтовой ковровой дорожке с полным мешком моих читателей – нет-нет, моих друзей! – чтобы вы смогли увидеть собственными глазами, как они, сверкающие и прекрасные, выходят из длинных кремовых лимузинов и автомобилей, чистых, великолепных и сверкающих, словно только что прошли сквозь бурю из бриллиантов, а не из банальных капель лунного дождя.

Ну так вот, если уж я не Дед Мороз, то кто же? Собирайтесь вокруг! Борода весьма реальна, я вас уверяю. Вот по апельсинчику каждой девочке и по сливе каждому мальчонке! Поглядите, как я буду развешивать для вас звёзды, словно огни на ёлке, и каждая будет симпатичнее предыдущей.

«Прожектор», 12 октября 1947 г.

Мои голодные до сплетен гончие, сегодня не будет у нас

радостных игр с криками «апорт!». Я пришла к вам со шляпой в руках, чтобы сообщить о главном событии дня, но не испытываю от этого никакого удовольствия. Шляпа моя черная, и я знаю, что ваши тоже.

Я лично посетила странные похороны Северин Ламартен Анк, рождённой в 1914 году и покинувшей наш нелёгкий, но яркий мир слишком рано – всего-то тридцати одного года от роду (если округлить время субсветовых перелётов, как полагается, когда речь идёт о леди). Какова бы ни была истина, на её могильной плите навсегда останется цифра тридцать один, и она, судя по всему, навеки останется тридцатиоднолетней. Её фильмография трагическим образом застыла на цифре пять: «Автопортрет с Сатурном», «Королева голода с Фобоса», «И море в тот же миг припомнило...», «Спящий павлин» и последняя работа, вызывающая сильную печаль, – «Сияющая колесница, воробьями твоими влекомая».

Море черноты всколыхнулось перед вашей скромной собирательницей шёпотов, когда пустой гроб внесли в мраморный зал новейшего строения на кладбище Цукиёми, поспешно возведённого семейного мавзолея Анков. Бедняга Перси наверняка думал, что у него в запасе еще много времени на строительство, которое, быть может, дочь завершит сама, когда он упокоится вечным сном.

Мы собрались, как будто на съёмки... и, в каком-то смысле, так оно и было. Статисты, трагические лица, отборные профессиональные плакальщики, доводящие сцену с боль-

шой массовой до совершенства. Чернота, чернота повсюду. Мы не понимали, плакать нам или нет – какие у нас реплики, каков сценарий? В какой киношке Анков мы снимаемся – в стиле отца или в стиле дочери?

Теперь поглядите-ка туда, деточки, – Мод Локсли и её удалой спутник, Водсворт Шевченко, только что со съёмочной площадки его «безусловно захватывающего» эпика «Каменный крест». Мод как всегда восхитительна в облегающем наряде без бретелек, который мелодично шелестит в череду вспышек. Когда она поворачивается, из-под подола выглядывают, трепеща, бледно-розовые перья. Гладкий треугольник из крашеной крокодильей кожи взмывает к дерзкой розетке из аметиста и дьявольских крокодильих зубов, что красуется в нижней точке глубокого выреза на спине платья. Как она ухмыляется, бросая взгляд через округлое плечо! Эта ухмылка стоит тысячи контрактов, если вы понимаете, на что я намекаю, а я думаю, что понимаете. Угольная ручища Водсворта не покидает её талию, его аккуратный и строгий костюм от Айхендорфа демонстрирует собственный сюрприз, когда пара позирует фотографам: хвосты смокинга переходят в переплетение вороньих перьев, жёстких и блестящих, направленных к земле. Образ нашего ведущего киногероя с угольной шевелюрой довершает ониксовый значок на лацкане – лунный пион. Уверен, мы все позавидуем Мод Локсли, когда она отправится домой... только вот маленькая птичка

напела вашему покорному Дедушке Морозу, что пылающий взгляд господина Шевченко то и дело перебегает с очаровательной дамы на его не менее очаровательного партнёра по фильму, Данте де Вере. Но делать нам больше нечего, кроме как прислушиваться ко всяким птичкам, не так ли?

Мы предполагаем, что она мертва, хотя никто из нас не может быть в этом уверен. Её нет ни здесь, ни там, насколько можно судить. Что же приключилось той жуткой осенью на далёких венерианских берегах? Что с нею произошло? Неужели она разделила ужасную судьбу жителей разрушенного посёлка, того самого, чью тайну намеревалась раскрыть и объяснить? Нам не дано узнать. Мы знаем лишь то, что больше её не увидим, и это, мои верные читатели, способно разбить любое сердце пополам.

Мы все собрались в прошлую субботу, притворяясь, будто знаем, что произошло, и будто испытываем уверенность в том, что можем её похоронить. Семь бывших жён Анка и прежних мачех юной Северин стояли рядом с ним, и их красивые лица отражали утончённую разновидность скорби, которую способны породить лишь те, кто с рождения тренировался жить на экране, отражая для нас наши собственные чувства в виде лунных эмоций, более мягких и убедительных, более холодных и деликатных.

И шокирую ли я кого-нибудь, если поведаю, что кивнула восьмой застывшей фигуре, которая стояла в значительном

отдалении, и чёрная вуаль скрывала её лицо от любого взгляда вроде моего, способного высмотреть некое родственное сходство с пропавшей документальщицей в линии носа или копне волос? С той самой режиссёршей, чей гроб из сказки, пустой и хрустальный, с бархатной красной подушечкой (ничья голова не лежала на бархате, ничьи ноги не виднелись под саваном), украшенный воробыиными крыльями из слоновой кости и миртовыми ветвями из оникса, стоял пред нами, и над ним молились все блистательные люди, которых Северин когда-то любила.

Не сомневаюсь, она бы возненавидела этот гроб.

Но оторвите глаза от кометы Локсли – Шевченко и взгляните на истинных звёзд вечера! Персиваль Анк и его умопомрачительно милая дочь неполных пяти лет, Северин. Вот она бежит по дорожке, смеётся, и чёрные кудри пляшут, а миниатюрный турнюр красного бархатного платья от Барбо расшит осколками гранатов, которые на её детской талии не столько блестят, сколько полыхают. Однажды она станет красавицей, если отец об этом позаботится. Она оглядывается и подзывает его. Он, как всегда, застенчивый и не от мира сего, одет в безусловно восхитительный красный костюм, в тон наряду дочери. Обратите внимание на цветок венерианского мирта в оправе из слоновой кости на его лацкане – возможно, это намёк на то, где будет происходить действие следующего шедевра! Анк поправляет очки с алыми стёклами и следует

за дочерью, длинные хвосты его смокинга от Айхендорфа по последней моде обшиты трепещущими воробыиными перьями, выкрашенными в эффектный оранжевый цвет. (Лично я абсолютно очарован новым птичьим направлением в мужской моде этого сезона. Намереваюсь вскорости заказать для себя двубортный попугайский костюм!) Малышка Северин, танцую вдоль прохода, достаёт из шёлковой сумочки настоящие лепестки венерианского тамаринда и разбрасывает впереди – маленькая богиня, умело руководящая поклонением самой себе. Её звонкий смех и улыбка привлекают с десятков микрофонов и камер, и над ними безусловно будут корпеть ваш покорный слуга, а также соперники вашего покорного слуги, пытаясь разузнать, кто же загадочная мать этого ребёнка – какая старлетка, какая жена директора студии, какая светская львица, неподобающим образом поведшая себя однажды в воскресную ночь, подарили нам обескураживающего бесёнка, сопровождающего лучшего из режиссёров Города Мишуры ⁶?

Присутствовал и был замечен тот, с кем у Северин случился длительный роман – кинематографист Эразмо Сент-Джон, шокирующе похудевший в сравнении с былой комплекцией профессионального боксёра. Его увядшая рука сжимала пальцы того мальчика, об интервью с которым мы все умоляли, будь оно длиной в минуту или две – того маль-

⁶ *Город Мишуры* (Tinseltown) – неформальное название Голливуда.

чика, которого привезли из Адониса вместо Северин, то существо, которое мы здесь, в Городе Мишуры, должны лицезреть взамен нашей старой подруги. На момент написания этой колонки ребёнок никаким образом не продемонстрировал способность говорить. Какое разочарование для нашего маленького сообщества, для которого разговоры – жизненная необходимость. Мы скорее перестанем дышать, чем перестанем рассказывать истории о наших жизнях – и всё же он ничего не говорит, и Сент-Джон его не принуждает.

Давным-давно я делала репортаж с премьеры «Красного зверя Сатурна», где старина Перси впервые появился с маленьким свёртком, укутанным в шёлк графитового цвета, в свивальнике от Фосколо, и странным образом вышло так, что мне удалось задокументировать бóльшую часть жизни знаменитой документальщицы. Но, боюсь, ваша покорная слуга должна подвести преждевременный итог жизнеописания несчастной души, ибо вся эта история – слишком тяжкий груз. Ах, если бы всё случилось как-то иначе и не закончилось в дождливую субботу, в пустом стеклянном гробу...

Довольно. Хотя обычай мой таков, что в финале я всех вас приглашаю разделить со мною театральную ложу, сегодня пустующее место отведено мёртвым. Взгляните на неутомимый маленький прожектор в вечернем небе: Венера, единственная, кто знает секреты, которые мы, бедные болтливые обезьянки, так жаждем раскрыть.

Хальфрида Х.,

главный редактор

У меня имеются собственные мысли по поводу происхождения Северин Анк, дорогие мои, но я никому не расскажу. Любой Дед Мороз, который не зря таковым зовётся, прибегает кое-какие подарочки на следующий год.

Пять минут до занавеса, огни уже угасают, и я должен разыскать своё кресло. Остаюсь вашим покорным слугой.

**Элджернон Б.,
главный редактор**

Часть первая. Белые страницы

*Ныне хочу рассказать про тела, превращенные в
формы*

Новые. Боги, – ведь вы превращения эти вершили,

—

*Дайте ж замыслу ход и мою от начала вселенной
До наступивших времен непрерывную песнь
доведите⁷.*

Овидий, «Метаморфозы»

*Чтобы актриса смогла добиться успеха, она
должна обладать лицом Венеры, мозгами Минервы,
грацией Терпсихоры, памятью Маколей⁸, фигурой
Юноны и шкурой носорога.*

Этель Эрримор⁹

Сияющая колесница, воробьями твоими влекомая¹⁰
(«Оксблад Филмз», реж. Северин Анк, 1946 г.)

С1 НАТ. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ, МОСКВА – ДЕНЬ 1,

⁷ Пер. С. В. Шервинского.

⁸ Подразумевается Томас Бабингтон Маколей, британский государственный деятель XIX века, обладавший поразительной эйдетической памятью.

⁹ *Этель Эрримор* – американская актриса (1879–1959).

¹⁰ Название киноленты отсылает к «Гимну Афродите» Сапфо и упомянутой в нём колеснице, запряжённой воробьями, на которой путешествует богиня.

БЛИЖЕ К ВЕЧЕРУ [12 ИЮЛЯ 1944]

[На просторных чистых улицах солнечной Москвы тут и там виднеются тележки мороженщиков, фокусники и ослеплённые блеском туристы. Уличные фонари украшены гирляндами из цветков липы, подсолнечника, гвоздик. Собирается весёлая, нетерпеливая и плотная толпа; камера следит за тем, как она врывается на Красную площадь. Великолепные башни Кремля, похожие на мороженое, щедро отражают солнечные лучи. Престарелый ЦАРЬ НИКОЛАЙ II, его всё ещё красивая супруга и пятеро их статных детей в блестящих кушаках машут артиллеристам, которые стоят по стойке смирно на пусковой площадке Всемирной выставки 1944 года. Площадка изукрашена гофрированными лентами и подвесными летними фонарями, обрамлена знамёнами, на которых написаны пожелания удачи и счастливого пути на английском, русском, китайском, немецком, испанском и арабском языках.]

СЕВЕРИН АНК и её СЪЁМОЧНАЯ ГРУППА отрывисто машут руками, к их гладким шлемам и блестящим дыхательным аппаратам липнет конфетти. Улыбка СЕВЕРИН безупречная, отработанная – улыбка честной молодой женщины, которой светит будущее, полное надежд. У её ног блестит шлем с медными плавниками. Заметно, что в женской одежде СЕВЕРИН неловко, и она надела её только ради того, чтобы снять эту сцену, которой намеревается во время окончательного монтажа придать ироничный и насмешли-

вый характер: она играет роль самой себя, которая не играет роли, чтобы рассказать некую совершенно иную историю. Изгиб губ выдаёт любому, кто её знает, безграничное пренебрежение к причудливому костюму с развевающейся юбочкой – гибриду плавательного комбинезона и трико воздушной гимнастики, который так приятно возбуждает толпу. Ветер колышет чёрный шёлк вокруг её бёдер. Она изящно прижимает одной рукой к боку футляр из красного дерева, в котором, несомненно, находится Джордж – её любимая камера. Члены съёмочной группы, затянув ремни на контейнерах с киноплёнкой, кофрах с едой, кислородными баллонами и прочей не крупной кладью, взваливают их на свои широкие спины. Основной багаж экспедиции – инвентарь и припасы, педантично спланированные, купленные, внесённые в реестр и упакованные, – был помещён в грузовые отсеки минувшей ночью. То, что СЕВЕРИН и её подручные несут с собой, они несут ради камеры, ради фильма, который снимается о том фильме, который они снимают.

Пушка почти что вибрирует от пульсирующего света: последняя из разработок Верныгоры, изукрашенная филигранным орнаментом с лесными мотивами, который вьётся и тянется, как трещины на льду по весне. Блистающий, массивный нос венерианской ракеты под названием «Моллюск» удобно сидит в серебристой пасти пушки. Металлическое чудовище вздымается выше собора Василия Блаженного, отбрасывая монструозную тень. Большую его часть занимает

силовая установка. Жилые пространства на удивление малы. Этот выгравированный серебряный лес будет сброшен на полпути к Венере, и судьба его – дрейфовать в одиночестве в бесконечной черноте. Но пока что «Моллюск» поспрамяет любой земной дворец, выстроенный во славу человека или какого-нибудь бога.

Они, точно маленький цирк: силачи, клоуны, укротитель львов, маг и воздушная гимнастка, в изящной позе застывшая на платформе – изогнутая рука напоминает полумесяц, пальцы ног устремлены в пустоту.

СМЕНА КАДРА: ИНТ. Столовая «Моллюска», НОЧЬ 21:00 ЭРАЗМО СЕНТ-ДЖОН и МАКСИМО ВАРЕЛА разливают водку СЪЁМОЧНОЙ ГРУППЕ и хохочут::: ПЛЁНКА ПОВРЕЖДЕНА, ОТСНЯТЫЙ МАТЕРИАЛ НЕДОСТУПЕН ПРОПУСТИТЬ ПОВРЕЖДЁННЫЙ УЧАСТОК ПРОПУСК ПРОПУСК ОШИБКА ОБРАТИТЕСЬ ЗА ПОМОЩЬЮ К АРХИВИСТУ]

Из личного киноархива Персиваля Альфреда Анка
[Камера включена. Экран чёрный, поскольку она повёрнута к стене в попытке скрыть от маленькой девочки, что идёт запись. Время от времени черноту нарушают серебряные вспышки – отблески картинки на экране, расположенном где-то позади устройства и демонстрирующем некую более оживлённую деятельность. Звучит тихий разговор.]

ПЕРСИВАЛЬ АНК

Итак, в каждом фильме важно знать, кто рассказывает историю и кому её рассказывают. Даже если на экране об этом не говорится, режиссёр обязан знать, и автор сценария – тоже. Ну, кто рассказывает эту историю?

СЕВЕРИН АНК

Эту историю рассказывает папочка!

ПЕРСИВАЛЬ

[смеётся] Видишь ли, папочка снял кино, но папочка не рассказывает историю. Взгляни на персонажей и то, как они общаются друг с другом. Взгляни, как начинается фильм, как самые первые сцены придают форму всему остальному. Итак, кто же рассказывает историю?

[Наступает долгое молчание.]

СЕВЕРИН

Историю рассказывает камера. Она следит за всем, и ей нельзя солгать, потому что она сразу поймёт.

ПЕРСИВАЛЬ

Моя девочка такая умница! Нет, камера – свидетельница истории, она её записывает, но находится за её пределами.словно очень маленький бог с одним большим тёмным глазом. Малышка моя, взгляни на влюблённых, на злодея, на

слабоумного отца, на солдат и призраков. Кто из них главный? Кто управляет тем, как рассказывается эта история? А кто – публика, для которой предназначены все эти чудесные вещи?

[Снова наступает долгое молчание. Что-то шуршит, как будто маленькая девочка тербит кружевную юбку, пытаясь придумать ответ.]

СЕВЕРИН

Они все рассказывают историю мне.

Предпроизводственное совещание по «Тёмно-синему дьяволу»

Рабочее название

(Студия «Транкилити», 1959, реж. Персиваль Анк)

**Аудиозапись сделана для сведения Винченцей Ма-
ко, сценаристкой**

ПЕРСИВАЛЬ АНК: Если хочешь узнать, с чего всё нача-
лось, придётся поговорить с мертвецами.

Я знаю, как это звучит. Мертвецы должны ведать концов-
ками. Они ведь там и живут. В том пространстве, что рас-
полагается после истории, они короли и королевы – дири-
жируют своими костлявыми руками, руководят эпилогами,
последними актами, кульминациями, выпрядают из затуха-
ющего действия *окончателность*, точно старые девы с их
чёрными прялками.

Мне ли не знать. Я всегда был настоящим мастером кон-
цовок. Когда приближается кадр со словом «Fin», я, слов-
но бейсболист, на полусогнутых размахиваю битой, нацелен-
ный на дальнюю часть поля – куда целился с того момен-
та, как сказал первое слово, отснял первый кадр, – на от-
кровение, которое всё это время надеялся испытать. Прислу-
шайся к последней сцене; ты услышишь свист и треск моего

удара. Пожалуй, я всегда слишком уж нетерпеливо стремился к концовке. Я слишком быстро вышвыривал затравленную пацанку с безумным взором из её башни и приканчивал разглагольствующую свиту, в которую лишь пять минут назад вступили велосипедисты и медведи. Концовки роскошны и распутны, Винче, они вызывают ко мне. Распростёрлись на атласной неизбежности, ждут, манят, обещают невероятно, непристойно элегантные решения – ты только будь хорошим мальчиком и правильно рассади клиентов в зале, а потом доставь им удовольствие, возбуди их! Вся прочая чушь, которую требует история, – это просто долгое соблазнение концовки. Ты раскидываешься убийствами и перевёртышами, героями, детективами и шпионами, жонглируешь любовными интригами, чудесными спасениями и перестрелками один на один из фантастических пистолетов, похищениями, колдовством и комическими контрастами, гробокопателями, принцессами и драконами-альбиносами, и это всё лишь ради того, чтобы заманить концовку в свою постель. Правильная концовка не может устоять перед таким раскладом. Она приближается украдкой, а потом делает вид, что всегда тут жила – глазки сонные, волосы взлохмачены, – просит антигероя принести кофе, и давай по-быстрому, а? Ну какая милочка.

Но в том, что касается начал, я бездарь. Только послушай, какой бардак. Метафоры мои обтрепались, как штанины старых брюк. И потому я говорю с мертвецами. Только они зна-

ют историю целиком. У них и нет ничего, кроме истории. «Послушай, – говорят призраки, – она была обречена с самого начала. Ты смотрел, как она умирает. Она начала исчезать сразу же после рождения. Лишь ради того, чтобы уйти от тебя. Никто бы не выбрался из такой передраги живым. Как выбираться, когда на тебя взвалили акты с первого по пятый? Если уж у Гамлета не вышло, разве могла она на что-то надеяться?»

Так или иначе, никого больше не заботят *подлинные* начала. Мы давным-давно прекратили сочинять истории о сотворении мира. Но мертвейшие из мёртвых – древние мертвецы, носители тог, сношавшиеся с овцами, пожиравшие оливки и украшавшие себя лавровыми венцами – они-то лишь об этом и тархтят. Сады и глина, и Небо, для храбрости заглотив пару туманностей, прилизывает волосы, чтобы как следует заняться Землёй. Древние всё правильно понимали. Полным безобразием было бы начать с чего-то другого, нежели Сотворение Известной Вселенной, а история, которая заканчивается раньше уничтожения всего и всех, – ложь, достойная порицания. Огнём? Ну, это слишком очевидно. А в потопах всегда ощущается нечто любительское. Может, Вселенная просто исчезнет. Стоп. Снято.

Дело в том, что головы у греков работали как положено: если уж собираешься беспокоиться из-за начала, то надо соорудить достоверную теорию происхождения всего, или у истории не будет якоря. Не будет корней! С чего вдруг вре-

мён года – четыре? И зачем вообще они нужны? Почему луна всего одна? Почему деревья зелёные, а розы красные, но не наоборот? Зачем нужны смерть и время и есть ли такая вещь, как судьба, и какова – в процентном соотношении – эффективность человеческого жертвоприношения? Надо ответить на все вопросы до того, как кто-то поднимется на сцену, знаешь ли. Даже в самой коротенькой истории про... ну, допустим, про домохозяйку в ситцевом платье цвета морской волны и переднике в тон, которая делает жаркое, только вот она планирует позже убить себя, ясное дело, или своего мужа – иначе с чего вдруг мы должны хоть на йоту заинтересоваться тем, какие превращения происходят с говядиной при высокой температуре? В любом случае, кто-то должен умереть. Потому она и надела это платье. Синий неизменно означает смерть. Даже в кухне бедной заблудшей Милисент – да, Винче, её определённо зовут Милисент, будь добра, не отставай! Не успеет она надрезать мясо, чтобы воткнуть внутрь чеснок, как всё будет с нею решено. Вершит ли смерть своё дело в этой Вселенной? Да. А что там со временем в Мире Милисент? Оно движется, секунда за секундой, и двадцать четыре, и семь, и триста с чем-то там. Времена года: четыре. Луна: в целостности и сохранности, на орбите, в соответствии с фазой. Вяз зелёный, пион красный. Коэффициент успешности жертвоприношений – семнадцать процентов в идеальных условиях, результаты экспертной оценке не подвергались. И, разумеется, в историях всегда присут-

ствует судьба. Она там обретается под видом предзнаменований и властвует всеми. Учитывая эти данные, муж Милисент, Хампфри, должен быть мёртв к десерту. Понимаешь? Ответы на вопросы в большинстве историй кажутся скучными потому, что их нам предоставляет реальный мир, а не... ну, какой-нибудь лучший, чем он. Более воодушевляющий. Стоит потолковать с греками и римлянами, как скучные ответы становятся более интересными. Времена года – потому что девушка и крокус. Смерть – потому что девушка и яблоко. Луна – потому что девушка всё время направляет свою дурацкую колесницу в море.

Так или иначе, всё происходит из-за девушек.

[неразборчиво]

Ладно, ладно, я тебе наскучил. Я бормочу всякую ерунду. Я с этой историей ещё ничего не решил. Я даже не знаю, что именно надо решать. Я бы предпочёл, чтобы смерти в ней не было. Да, мне бы это очень понравилось. Время, кстати говоря, ужасно безвкусная штука. И давай-ка поразмыслим, что нам делать с этим коэффициентом эффективности.

Давай начнём как положено. Вот что я думаю: она пришла из ниоткуда. Она пришла из моря. Она пришла из тьмы. Земля поимела Небеса, и было у них сто детей – или, может, всего девять. Меркурий, Венера, Марс, вся эта разношёрстная семейка. А у девяти были собственные дети: Фобос, Тритон, Ио, Харон и прочие шалопаи. Может быть, мы всё сделаем как когда-то, давным-давно. Ты знаешь, я так и не рас-

стался с водевилем. Нарядить бы главных героев планетами и лунами: Сатурн с кольцами на голове; Венера в одеянии, с которого стекает вода; Марс в ковбойском наряде; Нептун... я не знаю – парящий над сценой, как левитатор? И все такие поглупевшие от эф-юна ¹¹, с героиновыми глазами и потёкшим макияжем. Пусть изобразят живописную сцену на фоне занавеса, усеянного крупными блёстками. Потом пусть начинают друг друга убивать. Пусть всё идёт как у Шекспира. Сумасшедшие здоровенные ножи. Вёдра крови. Крови и мальцового молока.

И вот маленькие негодяи закалывают Небо насмерть и бросают блёстки в море, и они превращаются в надпись на экране, и оттуда появляется она. Из слов и из воды. Она может всплыть на двустворчатой раковине моллюска, покрытая кровью и молоком. В конце концов, так и выглядит рождение. Пусть она будет обнажённая, с миртовой ветвью в одной руке и камерой – в другой.

Понятия не имею, кого брать на эту роль. Кого-то нового. Я не хочу кого-то, чьё лицо уже принадлежало кому-то другому. Придётся позвонить Ричарду. Он найдёт какую-нибудь девушку только что с ракеты, похожую на неё. Он всегда знает, что мне нужно. И вот, кем бы она ни была, она посмотрит сквозь камеру в своей руке на камеру в моей руке. Волны ударятся о неё и обмоют дочиста. Почти дочиста. На лице останется отметина. Как будто рана. Вуаля: Венера родилась.

¹¹ Арабское название опиума.

[неразборчиво]

Да. И Северин тоже. Никакой разницы.

Но это последний раз, когда мы используем её имя, Винче. Каково наше правило? Нельзя давать имя субъекту. Нельзя произносить слово «смерть» в детективной истории после того, как обнаружено тело; и нельзя произносить слово «любовь» в романтической мелодраме до самого конца, пока она не выстрелит как пуля, та самая пуля, которая лежала на столе с того момента, как в первом дубле первой сцены хлопушка чмокнула губами. Нужно кружить! Нужно выслеживать! Но не называть вслух.

МАКО: Но все поймут, о ком речь. В чём смысл притворства?

АНК: Притворство – суть искусства, дорогая. Иначе... иначе это всего лишь похороны.

[долгая пауза] Мы дадим ей другое имя. Чёрт побери, я назвал её один раз, могу назвать снова. Что-то напыщенное, что-то мифическое, что-то венерианское. Все имена в конечном итоге должны восходить к Венере. Помню, что ты сказала, когда мы сочиняли сценарий «Баньши с космического корабля» – мы отправились в ту хижину в Море Изобилия и завели старую песенку, писали киношки вместо того, чтобы трахаться. Две комнаты, две печатные машинки, лес из синих кассий и лунные маргаритки у дверей. Мы купались голыми в горьком серебристом море, и ты плыла на спине, озарённая светом Земли, вода стекала с твоих грудей цвета

коллоидного серебра, и вот ты сказала: «Имена – не одиночки, они соединены, даже в реальной жизни. Ты называешь своих детей в честь усопших или в честь того, кем, как ты надеешься, они станут, или в честь того, кем ты когда-то надеялся стать сам, и родители твои поступили так же с тобой, и эта большая, сверкающая сеть имён рассказывает историю целого мира. Имена – опоры, которые держат на себе груз. Имена – это судьба». Ты не позволяла мне просто взять и назвать нашего героя Джоном, а его демоническую невесту – Молли.

МАКО: Это другое дело.

АНК: Назовём её Аресом. Я уже дал ей мужское имя в первый раз, так почему бы и сейчас не поступить так же ¹²? Оно безупречно. Арес пошёл и трахнул Венеру, когда должен был заниматься тем, что у него получалось лучше всего – то есть драться с любимым, кто только покажет кулак. Здорово, правда? Ну да. Ну да.

МАКО: Пусть она сохранит своё имя, Перси. Пусть все сохраняют свои имена. Она бы возненавидела тебя, узнав о таких изменениях. Ты и сам знаешь.

АНК: [Несколько раз прочищает горло. Его голос дрожит.] Я не хочу. Я не хочу писать его в верхней части каждой страницы. Я не хочу быть вынужденным произносить его. Каждый день. Целый день. Я не хочу звать какую-нибудь начинающую актриску именем моей дочери.

¹² *Северин* от *severus* – строгий, суровый (лат.).

МАКО: Очень плохо. Это и мой сценарий тоже. Я тебе не секретарша. Её зовут Северин. Не выйдет у тебя превратить её в одну из наших демонических невест.

[Слышны звуки печатной машинки. Кто-то тушит сигареты, потом зажигает новые, выдыхает дым.]

АНК: Ладно. Ладно. Ты победила. Северин чёрт её поberi Анк отныне и во веки веков, аминь.

Вернёмся к делу. Как только мы создадим мир – Небо, Землю, раковину моллюска ¹³, – перейдём к более важным вопросам. Текущий сценарий. Все сцены полностью изменим. Я хочу сделать настоящий нуар: пускай испорченные неоновые вывески отражаются на дождливых улицах Луны. Хотя вообще-то не обязательно, чтобы это была Луна. Есть места и поинтереснее. На Уране случаются ужасные бури. Прямо самый натуральный гнев Господень. Мы что-то однажды снимали в Те-Деуме, верно? Что именно? «Вора света»? «Убийцу Оберона»? Иисусе, совсем забыл. Мы с тобой сделали слишком много кинолент. Или слишком мало. Их вечно не хватает. Слишком много, чтобы иметь какой-то смысл, слишком мало, чтобы сказать то, что мы хотели сказать. Но Тэ-Дэ – в самом деле потрясающий город. Все эти светящиеся башни – биолюминесцентные, чтоб ты знала, – розовые, пурпурные и ярко-зелёные, утыкаются в звёздное небо, точно пальцы жирдяя. А ещё там всё адски дешёвое. Пабы по-

¹³ Подразумевается раковина, на которой стоит богиня на известной картине Боттичелли «Рождение Венеры».

всюду, точно грибы поутру. Гравитация хорошая, по крайней мере, зимой.

МАКО: Если ты настаиваешь на натуральных съёмках, понадобятся как минимум разрешения для Нептуна, Сатурна и Юпитера. Главные съёмки будут на Луне, ясное дело. А что с Венерой?

АНК: Ох, Винче, я не знаю. Не знаю, смогу ли я. Нет ли на Луне такого места, которое можно выдать за Венеру? Морей у нас достаточно. Я из шланга залью половину Луны, если это позволит мне не лететь на Венеру. Или можем попробовать Землю. Угрюмую старушку Землю. Может, Москву. Или Чикаго. Пригодилась бы Австралия, но канцелярщина будет чудовищная. Возможно, Мельбурн. Сидней я не выношу. Мы чуть не сняли там «Нет владыки над надеждой», помнишь? Вид весьма смахивает на старые части Марса. Но потом на Марсе нам предложили лучшие условия, и ты высчитала для нас налоговые льготы. Гуань-Юй – изумительный город. С любого балкона видно гору Олимп.

МАКО: Но в конечном итоге, нам нужен город. Самое сердце города. Нуару обязательно нужен город. И детектив. Полагаю, мы говорим про Анхиса.

АНК: Знаю, знаю. Кто же ещё это мог быть? Если мы не представим его достаточно быстро, все просто будут ждать, пока он появится. Мы рассказываем историю, которую все уже знают. Нам надо обогнать их воспоминания.

МАКО: Кажется, он сейчас опять живёт на Венере. Будет

нетрудно его найти, если он нам нужен собственной персоной.

АНК: Господи Иисусе, нет, он не будет играть самого себя! Я не мазохист. Пусть гниёт в тех вонючих болотах. Я сделаю его лучше, чем он когда-нибудь был. Наш великий детектив... с амнезией. Он ищет свою память. Собирает свою жизнь по частям – и не может этого сделать, не найдя Её! История пишет сама себя. Он охотится за историей, и он сам – история. Достань ему тренкот и шляпу с такими острыми полями, чтобы рассекали ночь. Револьвер в кобуре на бедре, что-то большое и грозное с виду. Грёбанный дождь всё льёт и льёт ему на голову. Если я увижу хоть одно сухое пятнышко на этом лице со впалыми щеками, ей-богу... Мы можем даже позволить себе озвучку, если захотим.

[неразборчиво]

АНК: Знаешь, а мне, в сущности, наплевать, Винче. Куда подевалась твоя одержимость достоверностью? Северин делала звуковые ленты. Наш фильм, по большому счёту, обязан быть звуковым.

МАКО: [тяжёлый вздох] Я поговорю с Фредди. Итак... нашему герою нужен любовный интерес. Кто-то более загадочный, чем он сам. Длинные ноги, длинные волосы, длинные ресницы. Если ты не поместишь на экран кого-то, кто его любит, публика не поймёт, что сама должна его полюбить.

АНК: Да что ты мне рассказываешь. Истинная леди, в чулках и платье, которое льнёт к ней, словно камера при съёмке

крупным планом. Дымчатые, сломленные глаза. Но она не из невинных девушек. Она роковая. Как будто я знаю, как создавать каких-то других героинь... Можно было бы предположить, что после стольких лет я сумею породить хоть одну Офелию среди всевозможных леди Мак. Но нет. Это просто не моё.

МАКО: Знаешь, я не думаю, что нам придётся лететь на Венеру. Наш детектив будет знать, что ему надо туда, он будет знать, что Венера его ждёт там, наверху, сидит себе на ответах, которые ему нужны, словно вонючая оранжевая дракониха, но ему не хватит духу справиться с самой идеей. Смыслю о тех красных берегах. О звуке, который издают киты. О том, чтобы вернуться домой. [невесёлый смешок] Разумеется, ты понимаешь, что Северин ненавидела бы каждую секунду этого фильма.

АНК: [долгая пауза] Её здесь нет. Она началась как героиня одного из моих фильмов. С чего вдруг ей заканчиваться в каком-то ином качестве?

«Тёмно-синий дьявол»: Приди и найди меня

Досье: 14 декабря 1961 г.

Время шло к полуночи – той самой разновидности полуночи, с какой можно повстречаться лишь на Уране после трёхдневного запоя. Вокруг царил ультрамариновый туман, от которого разило этанолом и неоном, а случайно прошедшая мимо шлюха добавила к смеси запах розовой воды. Сугробы на улицах напоминали кучи трупов. Вряд ли уважающий себя ведьмин час согласился бы на двадцать семь лун в качестве светильников, но они знай себе сияли, и из каждого блестящего от влаги ярко-розового небоскреба тарасилось мое отражение. И кольца, вечные кольца, рассекающие небо, рассекающие бурю, плюющиеся тенями на парня, который, ссутулившись, тащит своё брненное тело по Кэролайн-стрит, пряча под низко надвинутой шляпой налитые кровью глаза, крепко сжимая полы плаща, в туфлях, которые жаждут, чтобы их кто-то начистил, и с душой, которая жаждет, чтобы её кто-то приголубил.

Это вот я и есть. Анхис Сент-Джон, частное ничтожество.

В Те-Деуме куда ни повернись, везде можно взглянуть на себя самого. Весь город – твоё зеркало для бритья. Устрями на собственную физиономию пристальный взгляд, прищурь

глаза и проводи тупым лезвием по щеке. Стена паба рядом вспыхнула луковой зеленью, и я увидел эти мерзкие кольца – они рассекли горизонт, погрузились в мою шею и вырвались наружу с другой стороны, словно финка чистейшей белизны. Слыхал я, что раньше в Италии художники и толпы зрителей изрядно беспокоились из-за света. Ну так вот, бывал я в Италии, и старушке нечему научить Уран. Здесь бы и лепрек-кон заработал себе мигрень. Всему виной водоросли. Водоросли во льду, в земле, в стекле, в мощном чёрном дихроическом¹⁴ приливе Моря Короля Георга. Никто не строил Те-Деум, Гершель-сити¹⁵ или Арлекин. Не пришлось. Эти витражные трущобные сады вырастили, как грибы на бревне. Рассыпали над морем конфетти из экзотических углеводородов, и вот они взошли: непредсказуемые, громадные, беспорядочные – по крайней мере, для тех, кто не в состоянии оценить фэн-шуй, каким его понимают анемоны. Вот что они такое. Анемоны, крепкие как мужская суть и раздувшиеся, как мужское эго. Они только с виду похожи на казино, банки или танцевальные залы. Лишь самую малость живые, но не настолько, чтобы потерять из-за этого покой и сон.

Если вы ещё не забыли, что такое сон. Мне вот сама идея сна нравится. Я бы хотел свести с ним близкое знакомство.

И вот я был там, на Кэролайн-стрит, самой опасной ули-

¹⁴ *Дихроизм* – явление, связанное с поляризацией света.

¹⁵ *Уильям Гершель* – английский астроном, в 1781 году открывший планету Уран.

це самого беспутного города на этом заснеженном шарике. Хорошее место, чтобы тебя забыли. Я не ложился спать, был небрит, невыт, нездоров, в значительной степени нетрезв, и таким образом достиг всех целей в жизни. Под плащом на мне был единственный из оставшихся костюмов, консервативного тёмного красно-коричневого цвета с бледно-зелёным галстуком. И перчатки, всегда перчатки, даже если холод не лупит меня по щекам как скулящего раздолбая, вечные перчатки. У меня сундук кожаных перчаток с подкладкой из флиса и гидростатичного меха. Да, кожа. Моя единственная роскошь. Никакой ерундовой коричневой фальшткани, про которую говорят, дескать, столь же хороша. Пошиты на заказ на Марсе, где от молодых бычков можно отбиваться бейсбольной битой, потому что их там как зелёных мух. Мне нужны толстые перчатки, но с толщиной вечно проблемы.

Это был костюм для собеседований по поводу работы, хотя я уже много лет держался от таковых на расстоянии. Я не думал, что выдержу разговор длинней, чем требуется для ответа на вопрос «Сколько?». Не выношу, когда мне говорят, что делать и когда. Эта шестерёнка во мне напрочь сломана. Та самая, которая позволяет нормальным людям говорить «Да, сэр; сейчас же, сэр» – и верить в сказанное. А потом делать дела для сэров этого мира, немедленно, ускоренным маршем.

И всё же. Я был на Кэролайн-стрит не ради того, чтобы

испугать какую-нибудь женщину, продать запонки за кусочек эф-юна или просадить свой последний протеиновый резерв на случай ЧП на аммонитовых бегах. Я пришёл ради сделки на миллион. Работы. Деятельности, приносящей доход. Халтурки, чрезвычайно соответствующей моим крайне своеобразным талантам и моей *Historia Calamitatum*¹⁶. Если все работы, от которых с души воротит и какие только можно вообразить, выстроить аккуратным рядком на манер хористок и представить себе, что они вдвое сильнее жаждут меня заполучить, эту дамочку я бы выбрал в последнюю очередь, чтобы протанцевать с нею круг по залу. И всё же...

Пунктуальность – мерзкая привычка, свойственная только петухам и отставникам. Честно говоря, у петухов в этих краях голова идёт кругом. Солнце на Уране, уж какое есть, восходит каждые семнадцать часов. Домашней птице от такого приходится несладко. И всё-таки я бы, скорее всего, успел вовремя, невзирая на все потуги вырубиться до того, как пробьют часы и карета превратится в тыкву, не начнись в «Асторе» полуночное представление. Одна из тех странных, отталкивающих студийных звуковых кинолент из дурных старых времён, когда Эдисон держал синематографическую вселенную в своём целлулоидном кулаке. У нас тут полным-полно таких вещей. Мы – конец пути для киноплё-

¹⁶ *Historia Calamitatum* – букв. «история катастроф» (*lam.*); в более постмодернистском смысле отметим, что так называется автобиография Пьера Абеляра, и традиционно на русский название переводится как «История моих бедствий».

нок. Чтобы доставить их на Уран, нужно десять лет, и, приземлившись, они, как правило, остаются. Просто крутятся по кинотеатрам, как вода по водостоку, пока бобины не ломаются или кто-то их не украдёт. Если вы ищете киношку, про которую с незапамятных времён ни слуху, ни духу, то, возможно, в каком-нибудь погребке на Уране найдётся копия, которая ещё не сдохла. Кто знает, где они эту раскопали?

Маркиза «Астора» всплыла в синем тумане, точно призрачное видение, окружённая тусклыми топазовыми лампочками, с прописными печатными буквами чёрного цвета, с бородой из сосулек.

«Автопортрет с Сатурном».

А-а, чтоб мне провалиться.

Я не хотел покупать билет. Во-первых, я этот фильм видел. Охохонюшки, ещё как видел. Во-вторых, мой жалкий запас наличности выглядел той ночью особенно жалко. Было, наверное, и в-третьих. Ну не хотел я покупать билет. Я, чёрт бы меня побрал, не хотел, чтобы кассирша принялась к моему дыханию и сморщила свой миленький пирсингованный носик, словно от её мнения зависело, продолжит ли свет гореть. Я не хотел сидеть в центре пятого ряда, в кресле, пружины которого оставят на моей заднице красные полумесяцы к концу этого самовлюблённо длинного недофильма. А вот чего я хотел, так это дешёвого портвейна гнойно-жёлтого цвета, который на Миранде делают из мальцового молока, а также сублимированной коки, винограда, который однажды

чихнул в направлении Франции, и чего ещё там подают на закуску. За счёт одного попкорна аренду на Кэролайн-стрит не оплатить. Я хотел сидеть в тягучем и липком тепле этого божественно отвратительного кинотеатра со сводами, как в кафедральном соборе, стеклянным декором в палитре карамельной трости, под безголовыми, сломанными херувимами из солевого камня и канделябрами-русалками из хлебного коралла на стенах, перед изношенным павлиньим занавесом и знаком «ВЫХОД» из позеленевшей латуни.

И я очень хотел увидеть её.

Я не хотел на неё смотреть. Но хотел её увидеть. Как хотят увидеть старую подругу или бывшую любовницу, которая, как ты надеешься, отчаялась без тебя. Приготовить ей кофе и выслушать рассказ о её неприятностях, сделать обеспокоенное лицо и сочувственно мычать в нужных местах, пока она будет делаться такой же горькой и горячеей, как кофе. И всё это время сгорать от возбуждения; чувствовать, как в твоей груди взрывается шампанское. Вкус у её печали фантастический. Это печаль, которую надо смаковать, и когда она захочет истратить своё отчаяние в твоей постели, ты скажешь нет, и у твоего отказа тоже будет фантастический вкус.

Вот почему я прокрался к своему креслу вместо того, чтобы явиться туда, где мне полагалось быть. Сурово игнорируя не то пять, не то десять пар глаз в сырой пещере кинотеатра. Едва способный взять под контроль своё вопящее сердце или свои одурманенные алкоголем внутренности. Подался

вперёд, словно она могла меня заметить, если бы я оказался достаточно близко к её лицу. Словно она была школьной учительницей, которая должна была выбрать одного из блестящего ряда шалопаев, рьяно читающих по буквам ради её удовольствия, чтобы больше остальных полюбить мальчишку, который даст правильный ответ. Только вот его у меня не было. Ни у кого не было. Но никто из-за этого не страдал так, как я.

Никто и не мог знать, как читается по буквам «Венера», кроме меня.

Я перестал дышать, когда выключился свет. Схватился за подлокотники кресла, похожие на ножки ванны на львиных лапах, и мои ногти вонзились во влажную древесину. Барельефы из хлебного коралла пялились со стен – кажется, они изображали рождение титанов, которые держали в грубых руках цвета моркови огни и маленьких чудищ с хвостами, перьями и хоботами. Через два ряда от меня какой-то парень снял шляпу. Над его коленями уже двигалась чья-то голова, ритмично поднимаясь и опускаясь. Ещё даже титры не пошли! Ну что за безвкусица!

На экране сперва появились её глаза. При виде её радужных оболочек я словно испытал два сердечных приступа сразу. Портвейн двинулся назад из моего желудка, в горле появился сернистый привкус желчи. Мой нос ощутил целую бурю призрачных ароматов: какао-папоротник, жжёная кокосовая кора, жуткий медно-сладкий ветер с далёкого моря.

Мои запястья начали пульсировать. Вступительная музыка нестройным шумом ворвалась в мою голову – тошнотворная пианолоа пятнадцать раз обрушила одно и то же на мою единственную рабочую барабанную перепонку. Её лицо: пятнадцать футов в высоту.

Она планета. Она солнце. Она единственная женщина в целом мире. Она так молода. Она привыкает пользоваться камерой, снимая эгоистичный маленький метафильм, который всегда вынуждал меня смущаться за неё. Я её ненавижу я её хочу и мне плохо и я её обожаю и хочу её трахнуть разорвать на части спасти её и пусть скажет мне что всё в порядке и мне снова десять лет и ничего плохого ещё не случилось. Я повернулся к пустующему креслу рядом, и меня вырвало на пол «Астора», молочные желудочные соки и «лучшее с Миранды» с мяукающим плеском излились из меня, голова моя ритмично двигалась вверх и вниз. Всем было наплевать. Кто-то другой приберётся.

Я больше не мог на неё смотреть. Раньше только это и делал. Я жил, чтобы не сводить с неё пристального взгляда. Я работал на еду, которой должно было хватить, чтобы смотреть на неё. На каждое её изображение; на любое её изображение. На все. И их всегда было так много, выбирай любое. Я мог устроить себе целый банкет из неё и насытиться до предела. Иногда по вечерам я даже начинал с «Автопортрета» – это такая неопытная киношка, молодое вино, непроверенное, сырое, испытывающее слишком большой страх пе-

ред собственным вкусом, чтобы использовать его как следует. Но потом я отступал, вынуждал себя взять более умеренный темп, по чуть-чуть грыз её cameo в фильмах её старика: малышка в межпланетном дилижансе, осаждаемом пиратами, дьявольский херувим, осаждающий монахиню с большой и яркой душой. Салат быстрого приготовления из красных ковровых дорожек и домашнего кино Перси, а затем – поглощение одного из фильмов, где она в главной роли. Венеру всегда оставляю напоследок, всегда откладываю «Сияющую колесницу», насколько смогу, всегда страшусь того первого беспощадного мига, когда мы с ней оказались на одной сцене. Ещё рано, ещё рано. Интервью и киножурналы я употреблял в качестве первого блюда, причем последнее интервью всегда оставлял на закуску.

Вы его видели. Да разве хоть кто-то его не видел?

Жертвенная совсем-уже-не-девственница смеётся в мягком сером кресле, на ней длинные шёлковые брюки и тёмный кусок тритоновской ткани на плечах. Он прячет её груди, почти полностью их расплющивает, но демонстрирует живот, и она вся такая апатичная, такая равнодушная, взмахивает сигаретой в длинном чёрном мундштуке. Вокруг неё вертится вечеринка. Хартфорд Крейн целует ей руку, в то время как неподалёку танцуют сёстры Гренадин в мерцающих узких платьях. Случайные буквы, вырванные из её слов, будто выкуп для вымогателей, мелькают на экране, перемежаясь с танцорами и пузырьками шампанского, как срезан-

ные блёстки разлетаются по всему полу, а ночь тем временем становится всё более неистойой и насыщенной.

Это её панегирик. Она даровала его самой себе, и ни у кого ещё не получилось лучше. Записанный на звуковом оборудовании, которое должно было стоять больше, чем дом, где она той ночью развлекалась; сшитый из кусков, чтобы сделать достойный монолог из того, что она сказала, прежде чем Аннабель Огэст рухнула ей на колени спутанным клубком длинных рук и ног, хихиканья и синих жемчужин, и она утратила интерес ко всему прочему.

Я знаю, что жемчуг был синий, хотя плёнка демонстрирует лишь бледно-серый. Иногда я знаю вещи, от которых нет никакой пользы.

«О, я не знаменитость. Не смейтесь! Я не лицемерю. У меня есть деньги, и мой отец знаменит, но это не то же самое, что быть знаменитостью, и это не то же самое, что быть хорошим человеком или хорошо разбираться в чём-нибудь. Просто люди знают, как тебя зовут и что ты надевала во вторник. Я ничего этого не заслужила. Лишь благодаря чистой случайности я родилась в том месте и в то время... и подумать только! Ну в самом деле, столько матерей! Думаю, такой сценарий надо переписать разок-другой, чтобы он сделался достовернее. Я попыталась добиться успеха, опираясь на эти совершенно несправедливые исходные условия. Но пока что у меня не получилось. Вы говорите, «Королева голода» – ну конечно – и «Море». Да, разумеется, я сделала эти фильмы.

Но они ничего собой не представляют. Так, путевые заметки. Я взяла камеру с собой, когда отправилась посмотреть Солнечную систему. Не лучше, чем половина того, что делают помешанные на объективах, и хуже некоторых. Но что касается последнего проекта... Когда я думаю про «Сияющую колесницу», у меня щемит сердце. Как будто фильм уже готов и идёт внутри меня, проецируется на мою кожу, мерцает на белых экранах моих костей. Если я его не испорчу... Если у меня всё получится, то когда я вернусь и мы все узнаем, что случилось там, в Адонисе, когда я смогу сесть в это кресло и рассказать вам обо всём что увидела, обо всём что почувствовала, о том, как пахли моря Венеры – что ж, может быть, тогда мы и поговорим о славе. Потому что для меня слава чего-то стоит только в том случае, если ты её заработал своими руками, а я ещё ничего не заработала. Чувствую, что почти могу дотянуться до края чего-то ценного. Но коснуться пока не выходит. Разыщите меня через два года. Может, тогда я буду достойна вас».

Мне нравилось слушать, как она произносит эти слова. «Разыщите меня через два года». Полгода съёмок, плюс транзит туда и обратно, и постпроизводство после возвращения домой. Я смотрел, приблизив лицо так сильно к её лицу, желая, чтобы она сказала, что ещё ничего не достигла. Она ещё ничего не достигла, потому что не встретила меня. Просто богатая, красивая девушка – и вот она говорит открыто, что недостойна меня, что не представляет собой ничего осо-

бенного. Её слова на вкус как виски, и ох как раскрывается букет, когда проигрываешь их на фоне долгой сцены, во время которой её ракета исчезает в небе, превращается в точку в этом последнем, печальном предложении.

Когда шли её ленты, залы синематографов были полны, и на улицах выстраивались очереди из желающих, которых было в три раза больше, чем помещалось внутри. За недели до её премьер уличные музыканты и торговцы разбивали лагерь на бульварах возле каждого театра, продавая подлинные целлулоидные заготовки, которых она касалась, и копии усыпанных блёстками клеток из «Автопортрета», в точности нужного размера, чтобы в них поместился исковерканный гравитацией самец сатурнианского происхождения. Зачем? Зачем был нужен весь этот грубый восторг? Я всё ещё не разобрался. Её отцом был Персиваль Анк, в своё время – глубокомысленный, известный режиссёр. Снял кучу утомительных готических драм с героинями, напоминающими призраков, с чёрными кругами под глазами, со ртами, открытыми в ужасе или от оргиастической трансцендентности, или от того и другого. Её матерью, видимо, была одна из тех исключительных актрис, хотя какая именно, он так и не сказал. Каждая ведущая актриса Анка становилась, по совместительству и на основании жёсткого контракта, матерью бедняжки. Можно увидеть в чертах её мерцающего, покрытого пылью и поцарапанного лица отголоски полудюжины подававших надежды актрис с мимолётной карьерой – кто-

то всё ещё знаменит, кого-то легко забыли, и проявляются они лишь в те мгновения, когда их дочь испытывает странные эмоции, отражающиеся на её узком лице, в её загадочных взглядах, в её насмешливой, проницательной улыбке.

Она оторвалась от папочки где-то между «Королевой голода» и «Спящим павлином». Её игровой дебют в «Призраках Моря Облаков» очарователен, если вы способны уловить, в чём фишка миленького ребёнка. Во время знаменитой сцены в бальном зале, когда декадентствующую вдову Кларену Ширм осаждают призраки её жертв, можно увидеть Северин, которая дёргает жемчуг на своём чепчике и трёт лицо, портя грим. Есть легенда о том, что, когда великий режиссёр попытался нанести на веки своей девочки тени и убедить её притвориться, будто она в родстве с Ширм, в то время как голодная тень – молодая Мод Локсли, не кто-нибудь – будет накидываться на невинного ребёнка, Северин взглянула на отца сердито и сказала: «Папа, ну что за глупости! Я хочу быть такой, какая я есть!»

Такой она и осталась – самой собой, на веки вечные. Как только Северин смогла самостоятельно вертеть ручку камеры, она принялась записывать «реальную реальность и настоящий мир» (в семь лет) или «подлинный и справедливый мир истинной истории» (в двадцать один год) и объявила любимых призраков и демонов своего отца «кучей ерунды с эффектом двойной экспозиции». Её вторая документалка, «Королева голода с Фобоса», вынесла на всеобщее обозре-

ние бунты из-за продовольствия, охватившие эту проклятую маленькую колонию, и принесла ей медаль Люмьера – приз, который папочка так и не сумел заграбастать. Может, в этом всё дело. Она рассказала правду один или два раза, и рассказала её с окровавленной головой и сломанной рукой: Земля – старая мумия, конченная алкоголичка, которая не очень-то следит за своими детишками.

Когда Анка спросили, не раздражает ли его гнев дочери по отношению к вымыслу, он вызывающе улыбнулся во все тридцать два зуба и ответил: «Объектив, друг мой, не разграничивает реальное и нереальное».

От её последнего фильма под названием «Сияющая колесница, воробьями твоими влекомая» осталось четыре отрывка. Они сильно повреждены. Их копируют все кому не лень, режут на части и снова склеивают в бесконечные анемичные всезнающие документалки, об которые я бы и ног не вытер. Оригиналы продолжают гнить в каком-то музее в Чикаго. Больше людей, чем можно себе представить, едут туда, чтоб поглядеть, как они разлагаются. Я тоже был. Зрелище меня утешило. Уткнёшься лбом в прохладную стену мягким розовым вечером на Среднем Западе, который кажется невероятным, когда насмерть замерзаешь на Уране. Она промелькнёт перед твоими глазами: призрак, фея в конце длинного, тёмного туннеля, улыбнётся, помашет рукой, заберётся в пасть пушечной капсулы с грацией прирождённой актрисы.

Иной раз люди меня узнают, даже издалека, по старым кинохроникам, хотя я никогда не давал интервью и адвокаты не позволяли никому показывать моё лицо с 51-го года. Мне не нравится видеть себя на экране. Это расстраивает меня в экзистенциальном смысле: вот я здесь – и вот я там. Но я не в силах покончить со всеми своими изображениями.

Вот как всё было, вкратце: горстка людей выжила в экспедиции Северин Анк на Венеру, и я один из них. Я не всё помню и не всё, что я помню, представляет важность. Моя жизнь, моя настоящая жизнь, началась в тот момент, когда женщина с короткими чёрными волосами, в кожаном лётном шлеме и куртке присела передо мной и спросила, как меня зовут. Меня, потерянного мальчика, кружащегося мальчика. Я вернулся, а она – нет.

Не думайте, что я себя за это простил.

Теперь я смотрю. Я всё просмотрел. Не могу перестать смотреть. Жду, пока документалки покажут мне хоть ненадолго её лицо; покажут, как она смеётся; покажут её ребёнком, тянущим руки вверх, просящим отца посадить её на плечи, подальше от хаоса взрослых ног, тростей и туфель, танцующих под новейший индустриальный чарльстон-регтайм Мики Халла. Покажите мне её хоть как-нибудь. Я такой же дурной, как любой другой зритель, я умоляю позволить мне взглянуть на её труп хоть на миг – а если не на труп, то на места, где она когда-то стояла, но больше её там нет. Расскажи мне, невидимка за кадром, глас божества и памя-

ти, Расскажи мне всё, что я и так знаю. Расскажи мне о моей жизни.

Но её лицо было для меня медленным ядом. Я это знал, знал, и всё равно впивался в него с жадностью, оголодав по её впалым, монашеским, гладким щекам, по её глазам, огромным и озорным, таким же чёрным, как её волосы.

Я даже не могу произнести её имя. У неё нет имени. Есть лишь Она. Единственная. Она владеет этим местоимением столь всеобъемлюще, что никто другой и прикоснуться к нему не смеет. В громадном и смрадном газовом гиганте моего сердца – единственная Она, пятидесяти футов ростом.¹⁷ Великанша. Я же – никто. Впрочем, нет, не «никто». Я Анхис Сент-Джон. И никто не скажет обо мне – Он.

Знаете, что она прежде всего делает в «Автопортрете»? Улыбается. Она, мать её, улыбается. А потом смеётся. Милый, раздражённый, самокритичный смех. Как будто она смущается из-за того, что занимает так много места в кадре. Как будто боится сцены. Но она не боялась. Никогда. Ничто не могло её смутить. Может, она и боялась сцены в тот день, когда мамочка впервые приложила её к титьке, но с той поры – ни разу. Боязнь сойти со сцены – другое дело. Вечно она не знала, куда себя девать, пока камера не работает. Но смех недвусмысленно говорит нам о том, что она смущена. Улыбка свидетельствует о том, что у неё мандраж. «О, ну разве это

¹⁷ Гигантская версия Северин представляет собой отсылку к фильму *Attack Of The 50-ft. Woman* (США, 1958).

не чертовски забавная суматоха, съёмка в киношках? Кто, я?! Это старьё? Я так нервничаю! Кто хочет выпить?

Я ещё ничего не заработала.

Разыщите меня через два года».

Её улыбка разверзлась надо мною, чёрно-белая и громадная – и я знаю, как может знать человек, который пилился на эту улыбку, пока его не вырвало прямо на колени, что она целиком и полностью фальшива. Впрочем, хороша. Одна из моих любимых улыбок. Полная дикого возбуждения, которое в тот период сопровождало всё, связанное с Венерой. Люди никак не могли оставить в покое это дерьмовое местечко – единственный мир, который сделал все остальные возможными. Но это их улыбка, не её. Поглядите на неё, поглядите – разве вы не видите? Она отправляется на Венеру. Она улыбается так, как улыбаются все, одержимые Венерой. Эта улыбка – вроде как анонс того, что случится на самом деле.

Но нет, для этого ещё слишком рано. Я пьян. Я не спал трое суток. Когда я думаю о ней, я вижу все её фильмы, все её лица одновременно. Они выстроились друг за дружкой на орбите. Но вы не можете увидеть то, что вижу я. Я вижу венерианскую улыбку, но её ещё не существует. Эта улыбка – детская версия той, на девять тысяч ватт. Это Лицо № 212: «Отважная девушка-репортёр». Она ещё не побывала на Венере. «Венера всегда казалась такой самоочевидной», – сказала она мне под горячими, влажными звёздами Адониса,

когда думала, что я не слышу. «Автопортрет с Сатурном» отделяют от Венеры четыре фильма и девять лет. Там, на экране, она ещё пацанка. Двадцать один год. Спит, как стрекоза, чтобы ничего не упустить. Любовников меняет, точно дверь-вертушка. Пьёт алкоголь, как будто у неё аллергия на воду. Её и личностью-то назвать можно с трудом. Эта девчонка на ветхой плёнке, с сигаретным ожогом на лбу – он точно каинова печать – и царапинами от киноленты на щеках ещё даже не знает, что «Автопортрет» станет хитом. Лучше, чем хитом. Он создаст ей имя. Её собственное имя. А не имя её старика.

Вот что я знаю про неё. Вот что все знают про неё. Несправедливо, что я должен знать столько же, сколько и любой, не поленившийся прочитать какой-нибудь журнал. Я должен знать больше. Я должен знать всё. Но ты начинаешь там, где начинаешь, и надеешься – даже если твоя надежда вроде карманника, у которого обе руки заняты, – что удастся каким-то образом забраться дальше и выше.

Что ж, я начинаю с неё. А она началась на экране.

Я отслеживаю сходство между нами. Места, где, будучи наложенными друг на друга, наши топографии бы совпали. Столица со столицей. Река с рекой. Их немного. Я пытаюсь создать больше, но она завершена, закончена, ей положен предел, а мне – нет.

И что же со мной? Ни черта не помню до десятилетнего возраста. Человек – это всего лишь воспоминания, и с этой

точки зрения я родился на берегу с выжженной травой, где женщина схватила меня за запястье так крепко, что оставила синяки – аккуратную линию следов своих четырёх пальцев на моей коже, над моим пульсом, над моим сердцем. Вспышка света: fiat грёбаный lux ¹⁸. Дымный, кислый запах моря. Горячий, напоённый пылью ветер. Стрёкот и стук. Меня снимали с самого рождения. Как и её. Великий чёрный глаз нас заграбастал. Я родился в тот же миг, когда меня заметили.

До этого есть лишь спокойная тьма вступительных титров, где пустота растворяется в пустоте. Существует съёмка моего появления; существует съёмка её ухода. У каждого из нас отсутствует другая половина. Я знаю имена своих родителей только потому, что сведущие люди их для меня записали. Её отец был вехой на её жизненном пути. Его имя – её имя. Какая роскошь.

Пятидесятифутовая женщина подмигивает. Никому конкретно. Мне. Мужчине без шляпы и его орально-фиксированному соседу. «Астору» и Те-Деуму и русалкам с их миниатюрными титанами. Но на самом деле – серьёзному служителю с козлиной бородкой и в синей фуражке, который покорно опускает иголку на старом фонографе, чтобы мы все смогли услышать её глубокий, но слегка гнусавый голос, который громким эхом – слишком, слишком громким – разносится по театру.

¹⁸ Fiat lux – да будет свет (лат.).

От него у нас болят уши. Все морщатся, выпрямляют спины. У мужика без шляпы наслаждению настал *interruptus*¹⁹. Нам всем это не понравилось. Мы все начали ёрзать.

Никто больше не делает звуковых киношек.

Я мог вынести её лицо, но её голос разбил меня на осколки. Я одновременно слышал, как она произносит первые слова в своём первом фильме и первые слова, обращённые ко мне; я получал в морду и в меня тыкали ножом, но такое я вынести не смог.

«Когда-то по ночам я любила смотреть на небо и мечтать о Солнечной системе».

«Эй, малыш. Теперь всё хорошо. Теперь всё в порядке. Я здесь. Меня зовут Северин. Можешь звать меня Ринни, если тебе так больше нравится».

Я вывалился из «Астора» на Кэролайн-стрит, в синий туман, запахи и влажный, припорошенный снегом мусор. Навстречу колоколам, которые – бом! бом! – уведомили меня о пропущенной полуночной встрече. Я кашлял и заливался слезами, точно прбклятая вдова, вытирая со рта слизь, отдававшую кислым полупереваренным портвейном. Светостекло в переулке пульсировало, меняя цвет с виноградного на абрикосовый. Джульетта и Титания, две серповидные старые гримзы, осуждающе уставились на меня с небес. Умбриэль походкой покорного пьяницы плёлся за сёстрами, и свечение Ванды озаряло его испещрённый кратерами лик. Все эти

¹⁹ От латинского *coitus interruptus* – «перерванное соитие».

луны.²⁰ Небо над Ураном всегда напоминало мне грёбанный транспортный затор. У Венеры нет ни одной луны. Её небо нетронуту. Безупречно. Такое небо не взглянет на тебя в ответ.

Слёзы замёрзли на моём лице. До чего недостойно мужчины. Впрочем, из всех вещей, которые я утратил, мужественность покинула меня первой и легче всего.

«Сияющая колесница» – фильм ужасов, вот что это такое. Старый готический ужастик, в котором сиськи рвутся на волю наперекор вуалям, корсетам и рейтинговым требованиям. Девушка отправилась во тьму и встретила там монстра. Всё просто. Такому фильму ничего не стоит собрать полный зал.

Но как же быстро зал пустеет, когда люди узнают правду... Мне даже не позволили насладиться страданием. На Кэролайн-стрит кишмя кишели толпы, раззадорившиеся перед Отбоем. Задевали друг друга локтями, сверкали растущёванными тенями для глаз. Рядом со мной остановилась машина, эффектный красный «тэлбот»²¹, перед которым

²⁰ В системе Урана в настоящее время открыто 27 спутников, которые названы в честь персонажей Шекспира и Александра Поупа. Умбриэль – один из пяти крупнейших, и его характерной особенностью является кратер Ванда, расположенный в районе экватора и названный в честь духа из мифологии австралийских аборигенов. Дно Ванды значительно ярче остальной поверхности Умбриэля; точная причина этого явления пока не известна.

²¹ «Тэлбот» (Talbot) – франко-британская марка автомобилей, существовавшая в 1903–1992 гг.

расступилось бы любое море, но Отбой не испытывает пиетета перед автомобилями. Понимаете, у старины Урана день короткий, что юбчонка твоей мамули. Людям это не нравится. От семнадцатичасовых суток трясёт, как от плохого кокаина. Кажется, что позади глаз у тебя двигатели, которые выжигают все жидкости в теле. Словно ты принёс с собой солнце в такую даль – и, господи, эта старая сука-звезда не терпит, когда ею пренебрегают. С этого расстояния она не ярче уличного фонаря посреди тумана, снега и смога. Засранец Юпитер и тот больше и живописнее. Но звезда требует, чтобы всё шло по её правилам. Проблема в том, что семь часов – слишком большой зазор, чтобы его можно было восполнить, вздремнув в 12:01 по Гринвичу, как на Марсе. Когда семь часов исчезают, словно застряв в баре по дороге домой, такое нельзя не заметить. И потому для нас соорудили фальшивые сутки из сияния внешнего мира, которое не прекращается никогда. Не обращайте внимания на этот комок мокроты в небе; светостекло подскажет, который час: утром оно яркое, вечером – тусклое. Если ты себе не враг, то позволишь своему неоновому многоквартирному дому убаюкать себя чашкой тёплого рот-закрой ровно в 21:00. Но с детишками-отбойщиками всё по-другому. Сон у них короткий. Они вбили в свои одурманенные временем головы, что стали уранцами. Придерживаются семнадцатичасовых суток, ускоряются, спят урывками, тонут в кофеине, запихивают свои жизни, свой сон и свой весёлый галдёж в жуткую гармошку. И

в 17:00, это ничейное время, когда наступает их полночь, в то время как остальной мир тащится домой ужинать, они начинают свои дурацкие игры с уранскими часами. Они дрыхнут без задних ног, когда бóльшая часть Тэ-Дэ присасывается к вечерней выпивке, и вскакивают, готовые к труду и грехам, когда у остальных малыши ещё дремлют в тусклой ночи. Сигнал Отбой раздаётся в истинную полночь, полночь по среднему солнечному времени, и на стыке их зари и нашей глухой ночной поры отбойщики устроили свою церковь. В этой зоне перекрытия обитает Господь, говорят они.

А когда звучит Отбой, начинается безумие почище Бедлама. Они танцуют этот свой кроличье-прыгучий танец, для которого не требуются особые навыки, и впихивают стимуляторы в носы, в глотки, под мышки и под языки, куда только можно впрыснуть дозу. Они носят большие и блестящие маски с рыбьими плавниками, с которых капает растаявший снег, и те иссохшие стеклянные жемчужинки, что падают с неба во время весеннего сезона высокогравитационных дождей. Дождевые жемчужины. Кажется, их так называют. Я прибыл зимой, и пройдёт ещё двадцать лет, прежде чем я увижу скопление крокусовых креветок в море Короля Георга.

Я попробовал Отбой, когда оказался здесь. Всегда надо разок ознакомиться с тем, от чего местные с ума сходят. От него у меня появились шумы в сердце. Прямо перед его окончанием происходит жуткая маленькая пантомима. Вро-

де старых представлений с участием Панча и Джуди ²². Отбой как таковой не отличается изысканностью, но с религией это обычное дело. Кем надо быть, чтобы поклоняться планете? Она и так уже делает для тебя всё, что может.

Я ни в коей мере не хотел вместе с ними кричать «аллилуйя» или, если уж на то пошло, связываться с тем, что мог бы предложить длинный, зловещий, обтекаемый как слеза «тэлбот». Я ещё не опустился до шлюх, да и денег на такие развлечения у меня не было. Я поднял воротник. Мельканье огней, напоминающих узор «гусиные лапки», резало мне глаза, точно летящий в лицо снег. Я резко повернул налево, на Тетис-роуд. Тетис походила на тёмный вертел из пустоты. Только задние двери, никаких фасадов. Хоть бери и снимай пролёт камеры по коридору от Кэролайн-стрит до бульвара Эпиметей. Но за моей спиной скрипнул снег – ублюдочный автомобиль поехал следом. Его фары развернулись, как будто меня хлестнули по спине двумя розовыми кнутами. Я понимал, что к чему: рано или поздно им наскучит красться за мной на первой передаче, и они перейдут к наступлению: авто меня объедет, опустится дверное стекло и выйдет девушка с накрашенными губами и глазами, в которых практически вертится карусель от эф-юна и испарений с моря Короля Георга. Она предложит купить меня или продать саму себя от имени людей на заднем сиденье. Я прожил в Те-Деуме семь зимних месяцев. Я в этом деле зашибись какой опытный.

²² *Панч и Джуди* – персонажи кукольных уличных представлений.

Примерно так всё и вышло. Не успел я раствориться в толпе отбойщиков на бульваре Эпи, как «тэлбот» выехал вперёд, перегородил мне путь. Просто остановился, пламенея, как горячий уголёк. Такой тёмно-красный, что почти чёрный, такой ярко-чёрный, что почти красный. От вишнёвого капота исходил пар, затемнённые окна покрывала дымка. Иисусе, а ведь внутри, наверное, тепло. Достаточно тепло, чтобы заснуть. Достаточно тепло, чтобы вытянуться голым на этом длинном сиденье, ощущая задницей настоящую коровью кожу, а не скрипучую коричневую фальшткань. Водитель не заглушил мотор. Они надо мной насмежаются. Даже в такую холодрыгу, держу пари, на этом капоте можно поджарить окорок. Закинуть свинью с Миранды в багажник, позволить ей порезвиться на просторах заднего сиденья, прирезать на пассажирской стороне и зажарить на капоте.

Окно осталось закрытым. Дверь открылась, и наружу скользнули длинные, длинные ноги. По таким ногам впору совершать паломничество. Серебристые чулки, тыквенного цвета туфли без каблучков, костюм зелёный как салат, которого я не ел уже много лет. Шарф – шёлковый лоскут того же цвета, что «тэлбот», – исчезал в ложбинке между грудей, которые, как я рад сообщить, были одновременно большими и выставленными напоказ. Дама как таковая из машины не вышла. Она упёрлась локтями в колени и уронила милое личико на руки. Она была высокая, но изящного телосложения, точно мотылёк. И помада на губах имелась, но не шлюхи-

ной марки. Дорогая штучка. Из тех, где у каждого цвета своё название. Из тех, что привозят с родины. С Земли, где все проблемы решаются как два пальца об асфальт. Помада была в тон туфлям. Ресницы длинные что мой большой палец, по краям отсвечивающие приглушённым оттенком фуксии. Ногти под цвет её большим фиолетовым глазам. Держу пари, цвет для неё сделали на заказ – только вот не знаю, цвет ногтей или цвет глаз. По всем меркам, элегантная персона. Пахло от неё дебиторской задолженностью. Выглядела она как потомственная аристократка. Из тех аристократок, которые могут привезти «тэлбот» на одну из внешних планет, и на нём даже царапины не будет.

– Вы опоздали, – сказала дама.

Голос у неё был громкий, звучный. Американский голос: плавный, жёсткий, без перепадов, открытый как Округ Сиу и в два раза суше. Интересно.

– Не опаздываю туда, куда не собирался приходить, – ответил я.

Мой голос не был сильным или звучным. Он был надтреснутым. Он рассыпался на части. Он дрожал. У меня никогда не было тембра, подходящего для ведущего актёра. Мой голос начинает разваливаться, едва покидает моё хлебало.

Леди надула губы. Ротик её выглядел птенцом на широком лице с изгибами. Может, какие-нибудь китайцы скрестились с индейцами сиу. Может и нет. Я не очень-то нуждался в сведениях о том, как американские гены распростра-

нились на этой планете-снежке.

– Ну и с чего вдруг вы решили так ранить мои чувства? И это после того, как мой наниматель был с вами настолько щедр. Любой в Тэ-Дэ пропустил бы ракету, летящую домой, ради самой зыбкой надежды на самую хрупкую тень встречи, которая у вас забронирована.

Она кротко моргнула. Пушистые лепестки фуксии на концах ресниц поцеловали скулы. Это был жест, рассчитанный на то, чтобы обезоружить мужчину. К счастью для меня, с этой задачей справились задолго до её появления. Но у девушки имелось и другое оружие. Из салона ударило запахами, как из дробовика, и выстрел пришёлся прямо в цель: сигарный дым, маслянистый коричневый ликёр и, Иисус Искушитель, хлеб! По всем пунктам – дорогостоящие марки. Никаких примесей из мальцового молока, только бочки из яблочных досок и табачные поля под солнцем. И пшеница. Я не мог поверить – не мог даже осознать. На такое ни у кого не хватит денег. Такие суммы попросту не существуют. Деньги находят на наркотики, минералы и шлюх, конечно. Но не на хлеб. Только не здесь.

На Уране хлебные злаки выращивать невозможно. Строго говоря, с этим везде проблемы. Зерно с жадностью лопает солнечный свет и не приемлет заменителей. На Венере, Нептуне и кое-где на Уране растят рис. Путь в небеса вымощен рисом. Рис не требователен, не выбирает любимчиков, пойдёт домой к любому, у кого есть вода и свет в холодильнике.

нике, хотя, если взглянуть на него искоса, можно заметить, как он мутирует. Уранский рис – цвета электрик, с чёрной оболочкой, самый длинный из длиннозёрных сортов. У него таниновое послевкусие, которое заставляет морщиться. Его официальное название – *Capilli Regis Filiae Sophiae*, «Волосы принцессы Софии». С таким имечком становится понятно, что на Земле всем заправляют идиоты, которые в жизни никуда не вылетали. Они бы и собственное дерьмо назвали в честь принцессы, если бы могли. Мы называем его просто «рис», ну и хрен с ним. На Сатурне выращивают рею: тщательно выведенное лавандовое зерно. Оно на вкус не такое уж плохое. Но, опять же, всё, что может Уран, Сатурн может лучше. У него кольца шире, лун больше, шахты глубже, и еда растёт без того, чтобы кто-то падал на колени и молился. Марс, талантливый засранец, может предложить киноа, амарант и даже чахлый ячмень в хороший год, но не пшеницу. На Меркурии растёт любая хрень, а на Юпитере разве кто станет этим заморачиваться? Наверное, половине лун хватает гибридов. У Плутона, нашего ближайшего приятеля, этого психа в чулане Солнечной системы, есть ночецветная лилия под названием «инфанта». (Видите? Даже янки любят принцесс.) Большие, неаккуратного вида белые цветы, по питательным веществам в профиль и анфас что твой кокос: жиры, сахара, углеводы, кальций. Когда там приземлились первые корабли, всё, что они увидели, это лилии, покрывающие планету целиком. Повёрнутые к солнечному плевку, точно

радиоантенны. Приземлились корабли в целое поле лилий, точно Санта-Клаус в снег.

Я никогда не пробовал инфанту. Хотел бы попробовать, прежде чем ликвидирую своё предприятие. Я слышал, на вкус она, как мёд и кофе, как материнское молоко. Но плутонцы не экспортируют. От них к центру системы может пойти разве что пук. Младший в семье ни с кем не делится игрушками.

О еде думаешь, когда тебе совсем нечего жрать. Те части твоего мозга, которые раньше думали о том, как бы чего-нибудь добиться в жизни, вздрючить тех, кто этого заслуживает, об искусстве или потрапушках, они просто выгорают и могут лишь пережёвывать мыслишку о том, что, живи я на Сатурне, ел бы их зерно.

На Уране есть кусочки чёрно-зелёного лишайника, который соскребли со дна моря Короля Георга, смешали с «дерьмом Софи» и сморчками. Выдают их кубиками, чтобы с голодухи не помереть. Ежедневное довольствие можно получить на местной Базе. О, я знаю – сморчки звучат как лучшая часть этой бурды, но на самом деле они не сморчки, просто мы так называем мучнисто-синие грибы, которые растут на подветренной стороне светящихся башен. Появляются миллионами на восходе, на вкус что худшие духи твоей бабули; богаты невероятно важными витаминами D и C и королевским сахаром; а ещё имеют лёгкий галлюциногенный эффект.

На хрен сморчки и витамин С вместе с ними. У этой суки был хлеб. Настоящий хлеб! С корочкой и мягкой сердцевинной. И горячий! У него совсем недавно была плотская связь с духовкой.

Мой желудок, недавно освободившийся, объявил о своих предпочтениях. Силы были неравны, и Американская леди об этом знала. «Ко мне, пёс. К ноге. Хорошие мальчики получают вкусняшки». Она потянулась назад и достала что-то округлое, завёрнутое в провощенную бумагу. Ничего не сказала – ей и не нужно было говорить. Просто раскрыла красную провощенную бумагу уголок за уголком своими безупречными пурпурными ногтями. Медленно, чтобы я услышал звук, с которым бумага отделялась от сливочного кусочка небес внутри.

Масло.

– Садись в машину, – сказала дама, и вы бы вывихнули себе шею, попытавшись уследить за мной, когда я сделал то, что велели.

«Хороший пёсик. Сидеть. Дай лапу».

Кинохроника

**РЕКЛАМНЫЙ МАТЕРИАЛ, ПРИЛАГАВШИЙСЯ К
ИЗНАЧАЛЬНЫМ ДЕМОНСТРАЦИОННЫМ РОЛИКАМ
«СИЯЮЩЕЙ КОЛЕСНИЦЫ, ВОРОБЬЯМИ ТВОИМИ
ВЛЕКОМОЙ»; В ПРОКАТНОЙ ВЕРСИИ ОТСУТСТВУЕТ**

ГЛАВНАЯ КАРТОЧКА ДЛЯ ТИТРОВ

Дорога в Рай вымощена «Концентрированным мальцовым молоком Притхви» – без него вам не выйти из дома!

[Мужская закадровая озвучка; голос глубокий, звучный и вселяющий уверенность, но не властный – говорящий всего лишь делится своим знанием с друзьями во время послеобеденной беседы.]

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Разве можно обойтись без мальцового молока марки «Притхви»? Нельзя.

[Архивная съёмка венецианских пляжей; пальмы колыхнутся в лучах блистающего солнца, словно на афише туристического бюро.]

Собранное вручную на роскошных алых берегах Венеры, самое драгоценное сокровище во вселенной, прибывает к каждому ужину на стол благодаря вашим друзьям из корпорации «Глубоководные владения Притхви».

[Снимок массивного стола из красного дерева, стонущего под грузом разнообразных продуктов ГВП: стеклянные графины с пенистым мальцовым молоком, фарфоровые блюда с мальцовым маслом, креманки с мороженым, головы мальцового сыра в блестящем воске. Счастливая упитанная семья приветствует друг друга за вечерней трапезой, все улыбаются после дня честного труда. Складывают руки в молитве. Переход к другой семье, на этот раз на Венере, в тради-

ционной хижине из дерева какао, на заднем плане виднеются шлемы ныряльщиков. Здешний стол благословлен тем же щедрым разнообразием от ГВП, теми же довольными улыбками, теми же яркоглазыми, привлекательными детьми.]

Наши ныряльщики, тщательным образом отобранные среди самых сильных и отважных, начинают с того, что выискивают самых грандиозных и плодородных из великих мальцовых китов в самых далёких глубинах Кадеша. Они неустанно разыскивают самых жирных рыбок с самыми яркими цветами и самыми длинными отростками, отяжелевших от самого сладкого молока, какое только может быть. Словно рыцари былых времён, сражающиеся с драконами, ныряльщики «Притхви» протыкают самые многообещающие шары своими блестящими выводными трубками и высасывают эти изысканные сливки в мгновенно запечатывающиеся амфоры, запирая свежесть так, что ни единой молекулы запаха не теряется.

[Ныряльщица в медном шлеме с плавниками сражается с отростками молочного кита, напоминающими огромные морские водоросли. Опасные заросли электрического папоротника простираются вокруг неё, точно лес, точно терновник Спящей красавицы; и вот наконец она вонзает свою выводную трубку в зеленоватый газовый пузырь, словно прокалывая ствол кленового дерева, чтобы добыть сироп.]

Не переживайте, детки! Киты ничего не чувствуют, как вы не чувствуете выпавший волосок, который уносит ветром.

Как только молоко прибывает на берег, оно попадает на один из наших современнейших перерабатывающих заводов.

[Съёмка конвейерных линий и разливных машин для бутылок; рабочие улыбаются и машут руками на камеру.]

«Владения Притхви» заботятся об устойчивом развитии. Наши заводы полностью интегрированы в жизнь венерианских деревень, предоставляя безопасное и надёжное трудоустройство и некоторые программы финансирования, которые делают жизнь на Венере лёгкой как ветерок. Счастливые рабочие создают продукты класса «премиум»!

Возьмём, например, молодого мастера Виллема Гринуэя. [Молодой человек со свежим лицом и широко посаженными глазами пожимает руку бригадиру сектора Гедилог. Юноша одет в воскресный костюм. Он упитанный и высокий, с отличной осанкой.]

Всего шестнадцать лет, а он уже освоил профессию, которой можно заниматься всю жизнь! Когда его труд на Венере подойдёт к концу, он сможет выбрать себе участок на любой планете или луне – и, несомненно, жену из наиболее подходящих леди всей Солнечной системы.

[Суровым и отважным взглядом Виллем глядит на бурный Кадеш и массивных мальцовых китов, которые дрейфуют неподалёку от берега, похожие на острова.]

Да, у него опасная работа, но молодой Виллем знает, что без его службы и преданности всех работников «Притхви», от молочницы низшего разряда до экспедитора с проворны-

ми пальцами, а также всех акционеров до единого, не было бы ни салунов на Марсе, ни круизов на Нептуне, ни киностудий на Луне. Виллем Гринуэй и подобные ему – вот истинная опора всех миров. И «Притхви» делает это возможным.

[Молодая, пышущая здоровьем мать с мускулистыми руками выставляет поднос с полулитровыми кружками, до краёв наполненными молоком, перед оравой из пяти краснощёких детишек. Она держит поднос перед своей пышной грудью, намекая на то, что мальцовое молоко чудесным образом заменяет и улучшает тот щедрый дар, который дети получают от природы, и блаженно улыбается, являя собой воплощение ответственного материнства.]

А теперь у концентрированного мальцового молока марки «Притхви» новая формула с улучшенным вкусом!

[Дети, все выше среднего роста, без пороков развития или родимых пятен, шумно требуют молока. Мать выдаёт им желаемое и устраивается в кресле-качалке из дерева гикори с новорожденным – и бутылочкой «Обогащённого мальцового молока Притхви для малышей».]

Улучшенные секретной смесью из специй и витаминов, продукты из мальцового молока не просто хороши на вкус – они вкуснее обычных молочных продуктов, полезнее, богаче, чище и лучше для вас! Мы знаем, что вы заботитесь о здоровье своей семьи – и мы заботимся о том же.

[Ненадолго появляется диаграмма питательных веществ, в которой столбцы представлены мультяшными мальцовыми

китами: они радостно ухмыляются и выпускают из дружелюбных дышал фонтаны, чья высота различается в соответствии с выражаемой величиной.]

Употребляя всего один продукт «Притхви» с каждым приёмом пищи, вы получаете мощный заряд белков, жиров, иммуностимуляторов, ультракальция и старой как мир вкуснотищи. В недавних испытаниях вкусовых качеств матери предпочитали молоко «Притхви» в соотношении приблизительно два к одному с нашими конкурентами. Этими цифрами мы гордимся. И ужином дело не заканчивается!

[Перед камерой мелькает вереница продуктов ГВП в упаковках с новым дизайном.]

Наше мальцовое молоко снова и снова демонстрирует свои наилучшие качества в виде пищи, промышленной смазки, добавки к горючему, средства для улучшения фертильности, антибиотика, анестетика, основы для многих красок внутреннего и наружного применения, развлекательного галлюциногена и замены угля. Будучи высушенным и формованным, оно становится отличным строительным материалом, а его протеины – основа волокон для самых модных тканей. И, разумеется, мальцовое молоко – единственная добавка, обеспечивающая неимоверно важную плотность костей и защиту от радиации, без которых человечество было бы всё ещё приковано к одной-единственной планете.

[Пышногрудая мать укладывает своих детишек спать одного за другим, заканчивая младенцем в колыбели. Её лицо

выражает бескрайнюю любовь и внимательную заботу.]

Да, «Концентрированное мальцовое молоко Притхви» – действительно материя самой жизни. Мы серьёзно относимся к своим обязанностям поставщиков этой бесценной субстанции. Вы можете ощутить наше ответственное отношение в каждом глотке.

[Бутылка классического «Мальцового молока Притхви» на фоне чёрного звёздного неба; эмблема изображает того же весёлого, комичного мальцового кита, который выпускает фонтан молока из ухмыляющейся синей головы.]

«Концентрированное мальцовое молоко Притхви»: Без него вам не выйти из дома. Обращайтесь к местному агенту по найму за информацией о возможностях трудоустройства в отделе морского промысла «Притхви»!

Из личного киноархива Персиваля Альфреда Анка
СЕВЕРИН АНК

Папочка, почему кино со мной не разговаривает?

[ПЕРСИВАЛЬ АНК смеётся и присаживается рядом со своей темноволосой неугомонной дочуркой. Его нижнюю челюсть обрисовывает узкая борода. СЕВЕРИН хлопает ладошками по шёлковому проекционному экрану, умоляя его заговорить.]

ПЕРСИВАЛЬ АНК

Ты помнишь дядю Фредди, с рождественской вечеринки?

СЕВЕРИН

Он подарил мне заводного пони.

ПЕРСИВАЛЬ

Да. Ну так вот. У дяди Фредди достаточно денег, чтобы купить всех заводных пони в мире, потому что его дедушка изобрёл камеру, которая снимает движущиеся картинки, и ещё несколько дьявольски полезных штучек, плюс пару вещей, которые он не изобретал, но всё равно сообщил всем, что изобрёл, включая машину, способную записывать звук и делать кино говорящим.

[Лицо СЕВЕРИН светлеет, она как будто ожидает, что отец вот-вот покажет ей мир говорящих кинолент, во входе в который до этого момента было отказано.]

ПЕРСИВАЛЬ

Ох, малышка, милая моя баронесса, не смотри на меня так.

[Он берёт дочь на руки. Её нижняя юбка задевает микрофон, и раздаётся громкий шелест.]

ПЕРСИВАЛЬ

Девочка моя, помнишь бандита в «Воре света»? Как он хотел всё держать под замком в своём огромном и пустынном доме – драгоценности короны, Чудесную Машину и, са-

мое главное, Мину Айви?

СЕВЕРИН

Да, папа. Он был плохой. И носил маску.

ПЕРСИВАЛЬ

Ну так вот, дядя Фредди – он такой. Только драгоценности короны – это патенты на аудио, Чудесная Машина – стопка патентов на цветное кино, а Мина Айви – это мир, где в кино ты могла бы увидеть поющую девочку в красном платье.

«Автопортрет с Сатурном»

(Студия «Транкилити», 1936, реж. Северин Анк)

***(СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ: ЗАПИСЬ 1,
СТОРОНА 1, НАЧАЛО 0:37)***

С1 ИНТ. ЛОКАЦИЯ #3 НАВИГАЦИОННАЯ РУБКА –
ДЕНЬ 483 ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ [3 СЕНТЯБРЯ, 1935]

[ПОСТЕПЕННОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ: Пилотский отсек
славного корабля «Камень в свивальнике», время 16:00.
Шесть висячих фонарей настроены на ранний вечер. В иллюминаторах виднеется блестящий ледяной поток Восточного Экспресса, струящийся впереди и позади: такое любовное прозвище Земля дала устойчивым и сильным течениям и водоворотам эфира и замёрзшего мусора, которые ба-

юкают «Камень», идущий выгодным гравитационным курсом и с ускорением, какого не даровал бы ни один двигатель. Впереди сияет Юпитер: Большой Центральный Вокзал. Там длинный серебристый звездолёт сделает петлю и рванётся вперёд с обновлённым, головокружительным запасом движущей силы; последний отрезок пути до Сатурна станет для него почти что контролируемым падением с огромной юпитерианской высоты. Но пока что огромная планета выглядит маленькой, не больше одинокой лампочки посреди погребка. Данные на дисплеях свидетельствуют, что всё в порядке. Огни загораются и гаснут, медленно и ровно, словно в такт сердцебиению корабля.

СЕВЕРИН АНК удобно устроилась в бархатном кресле астронома с шариком сидра и комочком эф-юна, припрятанным в большой ладони. Теперь это рядовая привычка, от которой она так никогда и не избавится до конца. Во время разговора она жуёт маленькие кусочки, отковыривая их тёмным ногтем. Большинство предпочитает курить эф-юн, но дым помешал бы работе камеры. На СЕВЕРИН жемчужно-серое сари; на её веках густые чёрные тени, а глаза подведены линиями толщиной с полоски на шкуре зебры. Короткие волосы распушились от статических разрядов в каюте, и выглядит она уставшей. Уставшей, но возбуждённой. СЕВЕРИН закинула ноги на ручку кресла, и по каменным икрам, а также по мышцам рук и пресса видно, что она добросовестно относится к тренировкам на борту корабля. Упражне-

ния на Земле и упражнения в пути дают разные результаты. СЕВЕРИН половину жизни провела в небе. В ней ощущается некая длиннота, преувеличенные витрувианские пропорции, которые любой узнает. Её кожа – странного синего цвета, как у всех уроженцев земной Луны, естественный результат длительного контакта с коллоидным серебром, которое присутствует в лунной воде. На чёрно-белой плёнке он выглядит отчётливым мягким тёмно-серым, свойственным каждой звезде и старлетке с той самой поры, как первая инженерю оставила Землю за спиной.

В этот раз путь по ледяной дороге длится девять месяцев. До конца ещё две недели. Девять месяцев в компании всё тех же двадцати семи душ: её сокращённая съёмочная группа из семи человек и труппа в двадцать актёров, которых СЕВЕРИН гонит на Сатурн, чтобы продемонстрировать местным своё расположение. На внешних планетах зрелища столь же дороги, как хлеб.

Манера подачи материала СЕВЕРИН естественная и глубокомысленная, как будто она только что подвинула это бархатное кресло и собралась с нами поболтать. Почти за пределами кадра на полу отсека лежит разноцветный сценарий. Страницы изначальной версии – белые; новые и существенно отредактированные сцены пестрят всеми цветами: синим, красным, зелёным, золотым, розовым, лавандовым. На плёнке все они выцветают до серебристого и чёрного. Она переворачивает страницы небрежно, большим пальцем болтаю-

щейся ноги. Движение едва заметное, но оно есть. И у него имеется ритм. Маленький танец, в котором участвуют и её тело, и сценарий. Что бы мы ни слышали, каким бы небрежным оно ни прозвучало, ничто из этого не является незапланированным, неотредактированным или не переписанным от первой искренней паузы до последнего потока слёз.

СЕВЕРИН поправляет апертуру ²³ Джорджа. Её лицо очень сильно приближается к камере – мы видим мешки под глазами и первые морщины, начинающиеся у края век. На мгновение можно вообразить, как она будет выглядеть в старости. Удовлетворённая, она вставляет на место звуковой цилиндр и кладёт ноги на устройство дальней связи. От движений корабля изображение расплывается и дёргается, пока СЕВЕРИН записывает открывающий монолог своего первого и, возможно, самого личного фильма.

СЕВЕРИН улыбается.]

СЕВЕРИН

Когда-то по ночам я любила смотреть на небо и мечтать о Солнечной системе. Знаю, знаю – кто не мечтал? Но собственные мечты всегда кажутся особенными, до жути своими, пока не вырастаешь и не понимаешь, что у всех остальных они точно такие же. Какой безупречной и красивой, ти-

²³ *Апертура (в оптике)* – характеристика оптического прибора, описывающая его способность собирать свет и противостоять дифракционному размытию деталей изображения.

хой и мёртвой была каждая планета, зависшая в моём сердце! Все девять имён, записанных корявым, дрожащим почерком, сверкали внутри меня.

[ЗАТЕМНЕНИЕ с переходом к серии рисунков. Они выполнены рукой ребёнка, но это ребёнок исключительных способностей, который однажды может чего-то добиться. Начальные знания о светотени, твёрдое владение перспективой. Рисунки перебирает мужская рука. Не та, на которой полагается носить обручальное кольцо, но оно на ней есть. Детские планеты следуют чередой, как в учебнике: Меркурий, Венера, Земля, Луна, Марс и астероиды, Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун, Плутон. Из поверхности Луны торчат леса, как солнечные лучи; цветы обрамляют Плутон, словно кукольные кудри. На лике Юпитера светится красным Су-саноо-но Микото ²⁴, вечный ураган. Нарисованные карандашом штрихи такие резкие, что бумага почти порвалась. Венера – розово-зелёная, окружённая кольцом китов, соединённых хвост к хвосту, какими их видит девочка детсадовского возраста: большие хвосты имеют форму широких «м», из дышал вырываются весёлые фонтанчики, в радостно ухмыляющихся ртах видны парадоксально человеческие зубы.]

СЕВЕРИН (за кадром)

Я воображала, что все они пусты и ждут меня, словно

²⁴ Бог ветра в японской мифологии.

великолепные сияющие игровые площадки, каждая размером с целый мир: красные равнины Марса, бескрайние океаны Нептуна, озёра стоячей воды в джунглях Венеры, фиолетово-белые сверкающие лилии Плутона. Они вращались во тьме беззвучно, как в кино. Там никто не жил; никто не мог там жить. Когда я ступлю на них, то буду первой, девочкой-первооткрывательницей, как Веспертина Гиперия в старых радиоспектаклях.

Эти идеи задержались в моей голове дольше, чем следовало бы. Когда отец взял меня на Меркурий, где проходили основные съёмки «Отшельника из Трисмегиста», я рассудила, что Марс всё ещё хранит себя для меня. Когда он отправил Мод Локсли на Марс для «Атомных всадников Маадима», я знала, что ещё остался Сатурн, который заключит меня в свои кольца и крепко обнимет. Потом я впервые выбралась на внешние планеты – и никто даже в окно не глядел, чтобы полюбоваться восходом колец. Кто-то снял меня в туристическом обзорном вагончике: я стояла и плакала как дура. Эта фотография всё ещё приклеена к чехлу Джорджа изнутри. Иногда я на неё смотрю и пытаюсь... увидеть. Вспомнить всё, чем Солнечная система была в моих мечтах. Автопортрет с Сатурном. Фотограф продал копию этого унижительно-го снимка «Прожектору», и я ненавидела себя за то, что забыла: вся моя жизнь проходит на виду, при свидетелях, на камеру.

[ОБРАТНЫЙ КАДР к СЕВЕРИН, которая пьёт сидр из

шарика. Она поворачивается в профиль, глядя в иллюминатор, прежде чем снова заговорить. Мимо несутся каскадом кусочки льда. Они больше похожи на звёзды, чем сами звёзды. Камера едва улавливает тусклые точки звёзд, заглушённые куда более сильным светом корабля и миллионом холодных стеклянистых осколков.]

СЕВЕРИН

Вот как ты учишься видеть: собираешь свою команду. Ни черта не разглядеть как следует, когда у тебя всего лишь два глаза. Пилот, художник по свету, ведущий оператор, ассистент режиссёра, звукорежиссёр, астроном, местный гид. Стиснув зубы, платишь мистеру Эдисону и пытаешься привести в порядок свои финансы к запуску. Подбираешь хороших ребят, сильных и слегка доверчивых, а ещё отважных, как аргонавты. Проверяешь их рекомендации, и они, яркие и безупречные, складываются в витраж. Собираешь их всех в жестяной банке, ставишь часы на девять месяцев пути с учётом прохождения через благоприятное орбитальное окно и наливаешь себе последний за предстоящий год нормальный бурбон. Отправляешься в долгое плавание во тьме. И первое, что делают твои детишки, когда выключаются камеры и наша большая и глупая голубая мамаша уплывает прочь в иллюминаторах, это подаются ближе и, устремив на тебя нетерпеливые щенячьи глаза, спрашивают: «Ну хватит уже, Северин, теперь-то ты можешь нам сказать – кто на самом

деле твоя мать?»

Но это не имеет значения, вот чего никак не поймут жёлтые газеты. А моя съёмочная группа их читает, поглощает, как конфетки.

Давайте я вместо этого расскажу вам кое-что жуткое.

Когда мне было семь, я увидела Мэри Пеллам в «Соблазнении мадам Мортимер» – помните эту серию? Мадам Мортимер, леди-детектив, потерявшая глаз на Уране в «Мрачном решении», наконец-то сталкивается с равным себе в лице удалого Килкенни, выдающегося преступника, известного мне как Игорь Ласки, актёр, в целом – вылитый Лотарио, частый гость нашего бара и спальни для гостей. Ох, как же я любила эти криминальные киношки! А мадам Мортимер была лучше всех с её упругими светлыми кудряшками, жестоким смехом, спрятанными пистолетами и безупречно логичными выводами. Мадам всегда настигала свою жертву. Это было после того, как Клотильда Шарбонно, сбежав с Кларенсом Фэном, звездой красных вестернов, оставила нас полностью опустошёнными. Мы с папой были оба безутешны. И вот я взглянула на отца, показала на экран и заявила: «Хочу, чтобы она стала моей следующей мамой».

И он её добыл для меня.

Понадобился почти год мягкого, но настойчивого ухода, чтобы соблазнить мадам Мортимер и предоставить её в моё распоряжение. В конечном итоге Мэри Пеллам переехала к нам на Рождество, а к Пасхе научила меня стрелять,

как бандитская королева. В ночь после того, как мой отец надел кольцо ей на палец, я долго не ложилась спать, очень серьёзно размышляя о том, что произошло. Я могла попросить что угодно и получить это. Даже людей. Даже мать. Я обладала ужасной силой. Я легко могла сделаться чудовищем, вроде Килкенни. Пестовать свои чудовищные аппетиты, бесконечно удовлетворяя каждый из них. Я в разумной степени уверилась, что у меня в этом вопросе нет выбора. Я ни разу не видела фильма о человеке со сверхспособностями, который бы закончился хорошо для этого человека. Если уж ты чем-то наделён, надо это использовать. Той ночью я плакала, пока не заснула. Мне открылась моя судьба, и это была судьба злодейки, хотя сама я хотела одного – сделаться мадам Мортимер.

Мэри Пеллам была хорошей мамочкой. Она научила меня «Четырём законам актёрства», которые придумала как-то вечером за «буравчиками» в «Титон-Савое», чтобы преподать мне хоть какое-то подобие уроков в перерыве между съёмками в картинах про Эм-Эм.

[СЕВЕРИН переходит к блестящей имитации чёткого оксфордского акцента Мэри Пеллам.]

«Никто не прислушается ни к единому твоему слову, если ты не породíš какую-нибудь Систему. Все любят Системы. Законы. Правила. Подсказки. С законами у тебя прокатит. Но даже не рассчитывай, что прокатит что-то в духе „Просто покажи класс, ради бога; мне понадобится выпивка, если ты

будешь продолжать в том же духе“. Если есть Система, которой можно следовать, всё становится простым – да ты что, состряпать хороший пирог с клубникой сложнее, чем играть в кино! Если бы мы раньше об этом знали! Как здорово, что ты нам всё разложила по полочкам, Мэри. Предложи им Систему – и все расслабятся».

Матушка Мэри вот уже некоторое время на пенсии, так что я не испорчу ей возможность подработать, если раскрою парочку секретов. Итак, Четыре Непреложных, Наилучших, Незаурядных, Нормальных закона актёрства от мисс Пеллам:

- «1. Приходи вовремя.
2. Приноси собственный грим.
3. Если собираешься переспать с кем-то из съёмочной группы, позаботься о том, чтобы это был режиссёр.
4. Помни, что выражения и стиль речи, которые ты используешь в фильме, превратятся в синекдоху. Это большое слово для твоего маленького ротика, Ринни. Оно означает нечто маленькое, заменяющее собой нечто крупное. Твоя улыбка заменит всё человеческое счастье. Твои слёзы станут эталоном печали для любого зрителя. Жёны будут копировать твой красный нос, твой дрожащий голос, форму твоего разинутого рта, когда станут умолять мужей, чтобы те их не покинули. Повесы станут изгибать брови, как ты, ухмыляться в точности, как ты, сдвигать шляпу под тем же углом, что и ты, и, с тем оружием, что получили от тебя, с лёгкостью

соблазнят того, кого наметили своей жертвой. Чем успешнее твой фильм, тем шире распространятся эти синекдохи. Ты несёшь ответственность перед людьми, которые станут повторять твои слова, подмигивать, как ты, имитировать твой смех, не осознавая имитации. Такова тайная власть, которой наделены актёры. Это почти то же самое, что быть божеством. Мы творим людей, когда на шёлковом экране предстаём пятидесятифутовыми гигантами.

Так что лучше покажи класс, бога ради».

Мэри Пеллам была хорошенькой, как театральная афиша, и непреклонной, как молоток, но вдобавок она ещё была философом. Мы с ней частенько стояли рядом в ванной на верхнем этаже и «репетировали лица», глядя в зеркало.

Решительное. Обманутое. Влюблённое. Благоговеющее пред сверхъестественным.

У неё в запасе было 769 лиц, по её словам, и она работала над номером 770. Она вела блокнотик с зелёной бархатной обложкой, в котором были записаны все её Системы. Но лица она записывала лишь тогда, когда вбирала их в себя, когда они отпечатывались в её плоти и лицевых костях. Поскольку я была маленькой, от меня не ждали такого количества, но – сейчас или никогда! При должном усердии я могла собрать штук двадцать за пазухой к началу школьных занятий осенью. «Попробуй номер 123 – „Внимательная журналистка“. Или номер 419 – „Я знаю, кто это сделал, но пока что не скажу“. И номер 42 – „Неужели это для меня?“, полезный

для празднования дня рождения с классом и для тех случаев, когда девочки постарше предлагают попрыгать с ними на скакалке. Не думай, что школа – это не съёмочная площадка, детка моя. Это самое беспощадное местечко из всех, какие ты узнаешь до того, как начнёшь работать на своего отца. Ты будешь соревноваться за роли, толком не понимая, какие они, пока прослушивания не закончатся и ты не получишь то, что получишь. Я бы выбрала лицо „Профессиональной дублёрши“. Так ты сможешь незамеченной переходить из одной клики в другую. Играй в шахматы, пока не сможешь победить чемпионку клуба – но не совершай решающего хода. Не ущемляй её гордость. Иди дальше и научись, как переко-ролевить королеву пчёл».

«Притворись мадам Мортимер, – сказала она мне. – Совершенствуй свой ящик с принадлежностями для маскировки – и сможешь отправиться куда угодно».

Помню, как я прикасалась к её зелёному бархатному блокноту. Сбоку у него был латунный замочек. Я думала, что в нём наверняка содержится всё что только надо знать о жизни. Я не сомневалась, что у Мэри в этой книжке найдётся Система для любой роли, какую я могла бы для себя избрать.

Но с моим отцом они не были хорошей парой. Вот что бывает, если позволить своей маленькой дочке выбрать жену. Ему ещё повезло, что я не выбрала динозавриху из «Атаки криптоящеров», киношки категории «Б», которую мой дядя Гаспар снял за гроши – и я её любила, как большинство де-

тей любят свои одеяла.

Понятное дело, Гаспар Алмстедт не был на самом деле моим дядей. Он был любовником агента Ады Лоп, что превращало его в члена семьи. В конце концов мадам Мортимер упаковала вещи и поехала расследовать новое преступление, заявив, что лицо номер 771 будет искать на Нептуне, где из-за гравитации мышцы при улыбке работают совсем по-другому. Не успели запылиться её следы, как мой отец по уши втрескался в мисс Лоп.

Ада Лоп, урождённая Аделаида Лопарёва, начала карьеру в качестве балерины, но была не из тех, кто носит розовое и душится цветочными духами. [Съёмка выступления Ады Лоп в Большом театре идёт фоном к словам СЕВЕРИН.] Взамен она разорвала свою пачку в клочья во время кульминации «Жизели» и покрыла себя уродливой чёрной краской, изображавшей кровь. Кровь была в маленьких пакетиках, пришитых к её трико, и Ада воспользовалась ею в нужный момент. В первый раз это был её бунт – заявление о том, что в балетном мире царит застой, вновь и вновь ставят несколько одних и тех же очень милых, но вызывающих скуку спектаклей, – но поднялась такая буря, что режиссёры стали принуждать Аду повторять это вечер за вечером перед всё более многочисленной и пылкой аудиторией. Она и повторяла, пока не возненавидела. Пока слёзы не стали настоящими. Пока не взбунтовалось тело и не возникла аллергия на краску, спрятанную в трико, – и тогда она вышла на балетную пен-

сию, улетела на Луну и приземлилась на экране, что в те далекие дни случалось со многими танцорами. Теперь это просто часть балета. Вам придётся попотеть, разыскивая где-нибудь за пределами Некийи постановку «Жизели», которая не заканчивается тем, что молодая женщина причиняет серьёзный ущерб собственному костюму. Впрочем, все плутонцы – декаденты; чего ещё можно ждать от планеты поедателей лотоса?

В первое утро новой жизни в качестве моей третьей матери, всё ещё в свадебной ночнушке, с длинными волосами, которые струились вдоль её спины, точно чёрная краска, Ада приготовила мне завтрак. Яйца вкрутую, горькая зелень ²⁵, пирожки из сатурнианского зерна и тонкий, почти прозрачный ломоть розовой свинины с крышевых ферм Титона. Она даже позволила мне выпить кофе. Налила его в чашку, которая предназначалась для одной из моих старых кукол, потом налила себе чашку куда побольше. Мы обе добавили в кофе сливки, я – сахар, и Ада Лоп, посмотрев на меня своими знаменитыми огромными тёмными глазами, спросила, какой матерью я бы хотела её увидеть. Она была очень искренней в этом смысле. Просто спрашивала и ожидала прямых ответов, даже если вопросы были бесчувственными, нереалистичными, перформативными. Даже во время самых интим-

²⁵ *Горькая зелень* (bitter greens) – собирательное название листовой зелени с горьковатым привкусом; в эту группу входят, например, амарант, шпинат, листья одуванчика и пр.

ных бесед она продолжала играть. Как будто нас всё время снимали. Полагаю, так оно и было – и, возможно, потому Ада и задержалась в нашем доме надолго. Никто другой в целом мире не разговаривал так, как она. Даже на театральной сцене. Все от такого приходили в замешательство, но Аду невозможно было смутить.

[Голос СЕВЕРИН делается глубоким, прокуренным и сиплым и приобретает славянский акцент.]

«Какой ты видишь любовь? Какой, по-твоему, должна быть мать?»

Мне было десять с половиной. Десять с половиной – и она просила меня дать сценические указания. Я ответила, довольно неучтиво: «Мама – всё то, чем не является отец. Она детектив. Она бандит. У неё 770 лиц. Мама – это та, кто уходит».

Честно говоря, Ада Лоп была лучшим интервьюером из всех, что мне встречались. Она умела заставить человека врасплох. Она спрашивала о вещах, про которые никто больше не спрашивал. Её невозможно было узнать, но сама она выжимала из тебя все соки прямиком в свою чашку. Я всегда надеваю её обручальное кольцо, когда беру у кого-то интервью. В нём чёрный янтарь с золотым изъёмом, похожим на глаз. И она сделала в точности то, о чём я просила. Когда моему отцу не удавалось что-то совершить, за дело бралась Ада; она научила меня делать карамболь и заполнять налоговую декларацию, а также безупречному плие и тому, что

ради игры, ради истинной актёрской игры в нужный момент надо себя изуродовать. «Настоящее никогда не бывает миленьким, — сказала она. — Миленькие только куклы. А они вечно пьют из маленьких чашечек. Женщине нужна большая чашка».

В одной сказке все хорошие феи приходят благословить принцессу и наделяют её тем, в чём она нуждается. Красотой, хорошим певческим голосом, манерами, способностями к математике. Но одну фею пригласить забыли, и поэтому она прокляла малышку, чтобы та умерла молодой, и затем последовало множество всякой чепухи... мне на самом деле продолжение не интересно, это просто перегруженное деталями повествование о том, кто за кого выходит замуж.

Суть в том, что у меня не было дюжины фей-крёстных, но, кажется, семь всё-таки нашлись.

[СЕВЕРИН с заговорщическим видом наклоняется к объективу, приглашая всех и каждого разделить её секрет. Вокруг её лица завивается дым.]

Я подумываю о том, чтобы и впрямь включить это в окончательный монтаж. Все хотят знать про моих матерей, так почему бы не выложить карты на стол? Но тогда придётся начать заново. С самого начала, потому что в начале рождается конец. Полагаю, я могла бы всё перемонтировать так, чтобы казалось, будто я начала с Клотильды, то есть с самой себя, с того утра, того крыльца и того нелепого одеяла. Но так было бы нечестно. Так было бы не по-настоящему. Так

вы бы решили, что о жизни рассказывать просто, что начальная точка очевидна – РОЖДЕНИЕ – и ещё более очевидна конечная – СМЕРТЬ. От затемнения к затемнению. Я такого не приемлю. Я не стану одной из сотен рассказчиков, которые твердят вам, что быть живым означает течь вместе с потоком истории, которую пишут осознанно, намеренно, наполняя линейным повествованием, предзнаменованиями, повторениями, мотивами. Эмоциональные всплески происходят там, где надо, длятся сколько надо, заканчиваются когда надо, и всё это обязано брать своё начало в чём-то реальном и естественном, а не в тирании театра и сущей гегемонии вымысла. Ну а что, разве жить не легко? Разве это не грандиозно? Так же легко, как читать вслух.

Нет.

Если я всё разрежу на части и снова сошью, вы можете не понять того, что я пыталась сказать на протяжении всей жизни: любая история – искусная ложь, которую рассказывают для того, чтобы скрыть реальный мир от бедолаг, которые в нём живут. Я не могу вам лгать. В эту игру играет мой отец, и меня уже в четыре года от неё тошнило.

Если я всё исправлю так, чтобы время двигалось в ожидаемом вами направлении, вы можете решить, будто я знаю, какого чёрта делаю.

Итак. Акт первый, Сцена первая. Наступает вскорости после Сцены второй, но задолго до надвигающейся Увертюры. Мы доберёмся до труб и литавр, когда эта большая пуля ока-

жется на орбите Юпитера.

[СЕВЕРИН закатывает глаза в гримасе отвращения и проводит рукой по коротко подстриженным волосам с рассечёнными кончиками, полным статического электричества, застенчиво чешет затылок. Подтягивает колени к подбородку и смотрит на камеру, которая смотрит на неё. Отделяет кушочек от шарика эф-юна и кладёт на язык, как на Евхаристии. Россыпь льдинок мерцает за иллюминатором, кольцом окружая её голову: нимб святой. Остальные её слова раздаются поверх наружных съёмок ледяной дороги, которые перемежаются со старой съёмкой, в которой она как раз покидает кадр: ледяные кристаллы; девочка выбегает из двери съёмочного павильона; снежная крошка, то мельче, то крупней; её затылок в тот момент, когда она зарывается в кучу костюмов; замёрзшие валуны сталкиваются и разваливаются на части, покрываются трещинами, взрываются, кувыркаются во тьме. «Камень в свивальнике» оборудовали перед запуском: камеры на носу, на корме, по две штуки на правом и левом борту, каждая защищена сферическим фонарём из пласто-хрусталя. Фонарь слегка искажает изображение на манер «рыбьего глаза», так что наше зрение кажется таким же, как при пробуждении: картинка расплывается по краям, смазывается из-за инея и пыли, и только центр поля зрения выглядит безупречно и болезненно чётким.

Мусор рассеивается, открывая путь через пояс астероидов, как всегда нелёгкий слалом. В небесах подобие транс-

портного затора: мимо по ледяной дороге Восточного Экспресса летят другие корабли, почти задевая края быстрого и бесшумного течения, которым следует «Камень в свивальнике», а иногда они просто идут напролом, надеясь на лучшее, неустрашимо стремясь вперёд, и корпуса их покрыты вмятинами.]

СЕВЕРИН (за кадром)

Боже мой, когда записываю звук, я чувствую себя такой... живой. Моя работа вызывает у меня радостное волнение. Я ощущаю то, что ощущала Ада Лоп, когда впервые раздавила сотню маленьких капсул с чёрной краской, спрятанных на груди. Я уродливая. Я настоящая. Голос у меня скрежещет и опускается к низкому тенору из-за эф-юна. Сухость нашего переработанного воздуха понижает его на тон-другой и заставляет скрипеть там, где надо бы звучать мелодично. Это не голос ведущей актрисы.

Но он мой.

И шёл бы дядя Фредди в задницу, если думает, что сумеет заткнуть мне рот.

Ну так вот, давным-давно была я малышкой. Все такими были, но никто не помнит себя в младенческом возрасте. Есть некая линия в песке, после которой сознание совершает прыжок с шестом – и мы внезапно осваиваем трюк с памятью. Это не врождённое – мне, по крайней мере, так не кажется. Я думаю, если ребёнка предоставить самому себе,

он вырастет на гребне сиюминутности, воспринимая время, точно лев: лишь текущий момент, лишь охота и кровь, льющаяся и спаривание, и обширная саванна, полная жертв. Ничто не происходит до того, как ты погрузишь зубы в шкуру, мясо и костный мозг. Ничто не наступит после. Всё всегда случается в первый раз.

Но разве какого-нибудь ребёнка когда-нибудь оставляли в одиночестве?

Не меня, если вы об этом подумали.

Ненавижу говорить о том, как я родилась. Ясное дело, я ничего не помню. Мне эту историю рассказали. Мы все начинаем с этой лжи. Наши родители рассказывают нам, с чего мы начались, и у них над этим полный контроль. С годами они меняют историю – они знают, что меняют её, и мы знаем, что они её изменили, но мы просто позволяем им это делать. Они искажают детали, чтобы отразить то, кем мы стали теперь, чтобы у случившегося появился смысл: ты такой-то, потому что случилось то-то. Мы подарили тебе одеяло с птичками, и теперь ты стал пилотом, как мило! И поэтому мы думаем о себе так, словно мы... не просто часть истории, но часть хорошей истории. Такой, которую написал некто, в полной мере овладевший ремеслом. Тот, кто следует договору с публикой, даже если эта публика – мы сами. Все успокаиваются, когда ощущают в происходящем некую закономерность.

В моём случае это буквальная истина. Я была зрительни-

цей собственной жизни. Я могу подтвердить большинство событий, потому что видела их на экране. Мне сказали, что когда я в первый раз увидела отца без камеры, прижатой к глазу, то завопила от ужаса и растерянности, и меня никак не могли успокоить. Камера была его домашним божеством. Клара, модель «Эдисон В-II», портативная, 35-миллиметровая, выкрашенная в перламутрово-белый, с серебристыми вставками и треногой из древесины грецкого ореха. Даже когда рынок заполнили более элегантные, лёгкие, не такие громоздкие камеры, старина Перси просто взял Кларины потроха и пересадил в новый, более глянцевоый корпус. Теперь, наверное, от изначальной малышки уже ничего не осталось, не считая толики стекла и лака, но для него она всё равно Клара. Единственная женщина, которой он неизменно хранил верность.

Я начала жизнь в качестве героини отцовских фильмов. Вообще-то это унижительно. Я появилась как-то ночью, словно из пустоты. Внезапное дитя. Интрига завязалась! Развитие сюжета стартовало! Факты таковы: меня бросили в самой натуральной корзине на самом натуральном крыльце некоего Персиваля Анка. В свивальнике из атласа серебристо-серого цвета, с запиской, привязанной к шее чёрной бархатной лентой. Плетёная корзина, и та была серебристая. И я тоже – меня подготовили к встрече с отцом. Мои тёмные волосы и тёмные глаза не нуждались в изменениях, но всё остальное перекрасили: синяя кожа сделалась белой как смерть, гу-

бы покрыли чёрным гримом, даже пальчики вымазали белой краской, как у мима. Я вошла в реальную жизнь монохромной, словно кинофильм. И насмешливо, унинительно готичной. Меня заверили, что дверной звонок раздался ровно в полночь и что на улице в это время шла гроза.

Всё это, разумеется, случилось в соответствии с чьим-то умыслом. Я спрашиваю себя: а если бы моя беглянка-мать не оформила сцену именно таким образом, не сдал бы старина Перси меня в приют, позабыв навсегда о маленьком детёныше, пускающем пузыри? Я спрашиваю себя, не сожалею ли о том, что этого не случилось.

Моя мать исчезла, как того требует жанр. Она также должна была выкрасить лицо и одеться в чёрно-бело-серых тонах. Иначе её бы и за ворота не пустили. То были дни студии «Ви-раго». Правила были строгие. Никаких исключений.

[Архивная съёмка строительства «Ви-раго»: павильоны звукозаписи, цеха расцветивания, рабочие съёмочной площадки, похожие на средневековых кузнецов, возводят студии.]

Это был скорее город, чем киностудия. Ви-раго – одно из имён Артемиды, потому что упаси боже не назвать что-нибудь на Луне в её честь. Или в честь Чаньэ, Хатор, Селены²⁶. «Ви-раго» означает девушку, которая ведёт себя, как мужчина. [СЕВЕРИН лукаво ухмыляется.] Может, я чересчур поспешила насчёт предзнаменований. Он её построил

²⁶ Лунные божества разных народов.

достаточно далеко от территории Большой Четвёрки, чтобы местечко было безопасным, принадлежащим ему одному и не связанным с блистающим, шумным, грязным и великолепным Титоном – Городом Кузнечика ²⁷, моим домом и совсем-не-домом. Достаточно далеко для мирной жизни, но недостаточно, чтобы о том, чем папа занимался в «Вираго», не написали в газетах тотчас же, задыхаясь от спешки. Господи, в те времена всё было намного проще. Все богачи были нуворишами, земля была дешевле пива, и можно было построить Версаль за гроши. Вот он и построил. Целый город из съёмочных павильонов и огромных стеклянных парников, которые должны были изображать Марс зимой, Ганимед во время Карнавала и Венеру до появления на ней людей. Наш собственный дом раньше был особняком, построенным для съёмок «Лишь богов услаждает гром». Свернув не туда, можно было напороться на фальшивую стену, лестницу, ведущую в никуда, или нарисованное окно, заменяющее настоящее.

В те дни казалось очень важным скрывать тот факт, что жизнь на Луне сделала нас всех синими, как желейные конфеты. Кто захочет смотреть кино, в котором ни один персонаж не похож на человека? Так что в те далекие дни все гримировались, как клоуны, чтобы жители Земли спали спокой-

²⁷ В японской культурной традиции кузнечики и сверчки часто связаны с лунной и лунным светом (вспомним, например, известную гравюру Хокусая «Луна, хурма и кузнечик»).

но, думая, будто за её пределами всё в точности такое же, как дома. Ничего там странного нет, милые мои, допивайте чай! Но Перси пошёл дальше. Он только этим и занимается всегда: идёт на шаг впереди, добавляя нелепости, добавляя сложности, добавляя абсурда. И потому Закон «Вираго» был простым: никакого цвета.

Цвета на чёрно-белой плёнке выглядят странно. Никогда нельзя быть уверенным в том, какой окажется «пурпурная суета» в отснятом материале кинофильма. Так что «Вираго» жила в чёрно-белом цвете. А также сером, серебристом, гатовом и углисто-чёрном. Грим никогда не снимали. Только к четырём годам алый перестал вызывать у меня самый натуральный паралич. Я от ужаса застывала как столб. Красный цвет увидел меня! Он может схватить меня! Конечно, я видела себя без грима утром и вечером, но это не помогало. Я думала, что кроме меня в мире нет других синих девочек, и потому необходимо скрывать этот позор. Если бы я открыла рот, все бы поняли, что красный уже внутри меня. Я была наивнимательнейшей девочкой в «Вираго». Никто бы не догадался о моей тайне.

Я никогда не видела ту записку. Это и впрямь кажется мне странным. Из всех артефактов моей жизни записка, безусловно, самая важная. Полагаю, в ней разглашалась какая-нибудь довольно безвкусная история о том, как мой отец воспользовался некоей дурочкой-актрисой в бедственном положении, и не мог бы он оказать любезность и разо-

браться с последствиями; спасибо, всех благ, искренне твоя. Возможно, записка содержала какое-нибудь подходящее доказательство моего происхождения, как будто моё лицо – уже тогда почти точная копия удлинённой, волчьей, распутной физиономии Перси – не было лучше любого свидетельства о рождении. Может, какая-нибудь маленькая постельная шуточка, известная только им. Может, имя, которое моей отец проигнорировал.

Я бы хотела увидеть почерк матери. Мне бы очень этого хотелось.

Меня нашла Винче. Винче принесла меня в дом из темноты и сырости. Винченца Мако, которая так и не переспала с моим отцом, но обогнала всех женщин, которые переспали, на много миль: она написала сценарии для его фильмов, всех до единого. Какой смысл с кем-то трахаться, если вы уже настолько близки? Это... избыточно. Винче занесла меня в дом, поцеловала в лоб, прочитала записку и приняла решение ещё до того, как Перси спустился по лестнице. Она расстегнула платье и приложила меня к своей горячей, разукрашенной гримом коже, чтобы изгнать холод. Я дрожала не переставая, но не плакала.

[Фоном к рассказу идёт съёмка обнаружения СЕВЕРИН на студии «Вираго».]

И Персиваль Анк, не в силах перестать быть Персивалем Анком хоть на миг, заставил её всё повторить. Чтобы снять. Если некое событие не запечатлели на плёнке – значит, оно

не случилось. Неважно, что ещё происходит – ад и второе пришествие, динозавры и кометы – снимай. Он вынудил бедную Винче вынести меня обратно в вопящую бурю и клубящиеся тучи и «забуди про дождь и молнии, просто оставь её там, пока я не достану Клару и не случится по крайней мере одной хорошей вспышки у нас над головами. Да, отлично. Закрой дверь. Звук дверного звонка добавим позже».

Всё повторилось. На этот раз Перси открыл дверь и обнаружил брошенную на пороге сиротку-дочь, о существовании которой не знал. [ПЕРСИВАЛЬ прижимает руку ко рту. Его глаза наполняются слезами.] Перси посмотрел в большой чёрный глаз Клары с изысканным выражением, передававшим одновременно потрясение, изумление, страх и осторожную, недоверчивую радость. Перси взял на руки дрожащий чёрно-белый свёрток так, что стало понятно – в нём проснулся отцовский защитный инстинкт. [ПЕРСИВАЛЬ убирает непослушный локон чёрных волос со лба дочери.] Затем Перси, чья байроническая, стигийская шевелюра прилипла ко лбу из-за пота, в последний раз выглянул на улицу, подставив лицо ветру, словно говоря: «Господи ты боже, этот мир полон невероятной магии», прежде чем закрыть дверь в большой особняк и отпереть дверь в новую жизнь. [На лице ПЕРСИВАЛЯ АНКА медленно расцветает ужасно хрупкая улыбка. Он качает головой. Хлещет дождь. Он закрывает тяжёлую дверь, отсекая бурю, и заносит невинное дитя в дом.]

Вот эту версию я и видела. Я её просматривала снова и

снова. Она красивая. Она правильная. Она полна надежды на будущее. Она безупречна. Она нагло врёт.

Перси пришлось тотчас же подыскать мне мать. Газеты неистово строили предположения, называя происходящее «важнейшим за всю карьеру подбором актрисы». Не мог же он сам растить свою маленькую куколку, бедолага! Ребёнку нужны нежные женские руки! И Перси было из кого выбирать. Какая женщина не ухватилась бы за возможность пробраться на такой семейный портрет, чтобы баюкать красивую девочку и жестом собственности держать за локоть великого мужчину? Роль была написана, костюмы готовы, съёмочная площадка приведена в безупречный вид... ему требовалась лишь ведущая актриса. Впрочем, с ней всегда проблемы, не так ли? Актриса, которая в достаточной степени нимфа, чтобы заинтересовать патриарха; в достаточной степени мать, чтобы заботиться о ребёнке; в достаточной степени гений, чтобы из ребёнка, который по сути ничто, сотворить самое неуловимое из живых существ – полезного и интересного взрослого человека; в достаточной степени фея-крёстная, чтобы тысячи волшебных лесов, башен и замков детства появлялись по щелчку её пальцев. Фото лица крупным планом передайте секретарю для регистрации, пожалуйста. Займите очередь слева от вас.

Но Клотильда? Клотильда не была актрисой. Он остановил на ней свой выбор, а она не смогла бы прочитать и строчку убедительным образом, даже если бы сам Господь на небе-

сах крикнул «Мотор!». Клотильда не была какой-нибудь без-
верхой шлюшкой из Илиона. Но из неё получился отличный
бесплотный дух, который соглашался с Перси и благодарил
за все его указания.

Клотильда Шарбонно – коробка фотографий в моей па-
мяти. Она покинула нас ещё до того, как я пошла в первый
класс, и я вспоминаю её как серию снимков, быстрых кадров,
изображений в видеоискателе, отпечатанных картин. Мгнове-
ния взрываются в тихих уголках моего мозга, точно фотогра-
фические вспышки. Помню меха Клотильды. Помню пальцы
Клотильды. Помню мягкие, гортанные французские согласо-
ванные Клотильды. Помню волосы Клотильды, ниспадавшие во-
круг меня так, что пряди становились похожими на деревья в
тёмном и полном тайн лесу. У меня такие же волосы. Не счита-
тая Мэри Пеллам, Перси всегда аккуратно подбирал мате-
рей, которые были похожи на меня так, что наше родство ка-
залось правдоподобным. У всех были чёрные волосы, боль-
шие тёмные глаза и скулы, точно у статуй. Он позаботился
о том, чтобы я не сделалась чужачкой; я всегда была корен-
ной обитательницей страны, где женщины походили друг на
друга, как сёстры.

Когда я думаю о Клотильде Шарбонно, меня окружают
чернота и мягкость. Она любила меха, и мой отец радовался,
что эту страсть так просто утолить. Выдра, горноста́й, нор-
ка, лиса, соболь, кролик. И более сумасбродные разновид-
ности: марсианский бобр, ганимедский древесный монашек,

уранская ледниковая лиса. Все меха были чёрными – бесконечные, бессчётные оттенки черноты. Помню, как запускала пальцы в её меха и сжимала кулачки, как будто она была животным, а я – её детёнышем. Я должна была когда-то увидеть её без мехов, под шкурой пантеры должно было промелькнуть нечто бледное, но я этого не припоминаю.

Но её пальцы – о да, пальцы Клотильды Шарбонно! В монохромном королевстве «Вираго» пальцы Клотильды являли собой радугу. Она ничего не могла с этим поделать; она покрывала себя серебристым гримом, как и все мы, но к концу дня он всегда стирался и начинали проглядывать её истинные цвета: шафрановый и розовый, мшисто-зелёный и бледно-голубой, сиреневый и лимонно-жёлтый.

Понимаете, мисс Клотильда была колористкой. У Перси их была целая толпа, настоящая армия, честное слово. Запасливый как белка, он выделил им огромный серый павильон, где они вручную раскрашивали каждый кадр какого-нибудь опуса, который ему невыносимо было воплотить всего лишь в чёрно-белом цвете. Плёнки – странные создания. Цвета ложатся поверх изображения, точно порывистые любовники, неспособные по-настоящему проникнуть в непроницаемый серебряный мир отцовской души. Вампиры из «Похищения Прозерпины» утопали в завихрениях красного. Трепещущие ангелы из «Трисмегиста» были персиково-золотыми, а их дымчатые шлейфы – призрачно-зелёными. Пальцы Клотильды насквозь пропитались ядовитыми

чернилами. Все воды Марса не смыли бы эти проклятые пятна. Она начала носить перчатки, когда переехала в особняк (разумеется, чёрные), но я видела её секрет, когда она укладывала меня спать, поскольку ребёнку нужно человеческое прикосновение, а не шкура, пусть и очень хорошей выделки.

Итак, после того как все самые достойные инженеры Луны отвели пирожных Персиваля Анка, попробовали его чай и одарили его восклицаниями о том, до чего особенная красота, ум и нрав достались малышке, Перси вытащил двадцатидвухлетнюю колористку из своего павильона, накинул ей на плечи горностаевые меха и усадил в детской, которая сверкала и блестела, как новогодняя ёлка, поскольку каждую поверхность покрывал слой серебра, стекла, белил и блёсток. Всё потому, что она была лучшей художницей из всех, кого он встречал. Потому что она любила выпить и сыпать крепкими словечками, хоть и выглядела девушкой, которая на такое совершенно не способна. И потому что она сказала, что никогда не смотрела ни один его фильм в кинотеатре, поскольку все их уже видела, когда они текли под её руками кадр за кадром, и истории, которые она сочиняла мысленно, ей нравились больше тех, которые могли бы сообщить титры с диалогами. «Заполни её, как новый кадр, – прошептал Перси Клотильде. – Сделай её красной, зелёной и персиково-золотой. Нарисуй женщину, которой она станет, вокруг ребёнка, которым она является, словно контур цвета индиго вокруг серого силуэта. Сделай так, чтобы она соскочила

с экрана в лучших цветах, какие когда-либо видел реальный мир».

В конце концов Клотильде наскучило раскрашивать Анков, целлулоидных и плотских, оставаясь при этом анонимной. Я не могу её винить. Она покинула нас после премьеры «Грандиозной загадки мистера Бергамота». Не могу даже представить себе, какой железной волей надо было обладать, чтобы самой бросить моего отца. Сказать ему «нет». Последние слова, которые она сказала мне в той детской, похожей на зеркальный шар, даже не были её собственными словами, но только их я и помню, из всего, что она мне говорила. Это была цитата из «Мистера Бергамота».

[Голос СЕВЕРИН становится мягким и усталым, растворяется в марсельском акценте Клотильды.] «Выше нос, рыба-ёжик. Просто набери воздуха, сделайся больше размером, чем твоя печаль – испугай её, пусть бежит прочь. Только так и можно жить в этом ужасном старом океане».

Забавный факт о Клотильде. Она снова вышла замуж – много времени для этого не понадобилось. За художника-постановщика из Баттерси, связанного кабальной сделкой со студией «Оксблад». Практически каждый лес, звёздное небо и вересковая пустошь, какие вам случалось видеть, сделаны им, не считая тех, которые нарисовала она после того, как присоединилась к его контракту. Его звали Феликс Сент-Джон.

[СЕВЕРИН протягивает руку за пределы кадра и вытас-

кивает оттуда ЭРАЗМО СЕНТ-ДЖОНА. Он тактично при-
саживается на ручку навигаторского кресла, двигаясь с гра-
цией, которой такие крупные мужчины обычно не обладают.
Он её целует; они широко улыбаются друг другу.]

ЭРАЗМО

На какой матери ты остановилась?

СЕВЕРИН

Только закончила с нашей. Но я уже разобралась с Мэри
и Адой. Всё успело немного запутаться к этому моменту.

ЭРАЗМО

Ага, значит, следующая – Амаль, верно? Номер четыре.

СЕВЕРИН

Королева тигров. Приятно, что ты помнишь.

ЭРАЗМО

[Протягивает руку и заправляет прядь волос ей за ухо.] Я
знаю историю твоей жизни от и до. Это как двенадцать дней
Рождества²⁸. Пять золотых колец, четыре певчие птицы, три

²⁸ «Двенадцать дней Рождества» (The Twelve Days of Christmas) – английская народная рождественская песенка. В песне перечисляются подарки, полученные от возлюбленного или возлюбленной, при этом в каждом новом куплете сперва повторяются подарки из предыдущего, а затем к ним добавляется что-то ещё. По одной из версий, песня восходит к старинным играм на запоминание; по другой

французские курицы, две горлицы и Амаль Захара, Королева Тигров.

СЕВЕРИН

Она была кротительницей в «Венерианской деве». Ростом почти с тебя.

ЭРАЗМО

Когда ты увидела Амаль впервые, она вела шестерых тигров на съёмочную площадку, одетая как принцесса кальмаров, чтобы можно было управлять животными и не казаться при этом неуместной в кадре. У неё была корона из щупалец и звёзд. Альфа-тигра звали Глостер.

СЕВЕРИН

Мне было двенадцать. Она позволила мне проехаться домой на его спине. Его шерсть была, как щётка для дымохода, и он облизал мне всё лицо.

ЭРАЗМО

Твой отец полюбил её эгоистично в кои-то веки – ради себя самого, ради неё, – и они были счастливы. Тигры переехали к вам домой. Она отказалась перекрашивать их шку-

– каждый из подарков символизирует нечто религиозное (к примеру, горлицы обозначают Ветхий и Новый Завет), а песня в целом предназначена для запоминания катехизиса. Иными словами, Эразмо хочет сказать, что знает историю жизни Северин как «Отче наш».

ры. Они всем в «Вираго» постоянно мозолили глаза своим дерзким оранжевым цветом.

СЕВЕРИН

И ещё вороны. И попугаи, каждый из которых умел про-износить одну строчку из Чехова, но больше ничего. Свора чёрных медведей; четыре павлина; два питона; олень-альбинос; комодский варан; несколько рысей; семь пони и ручной престарелый кенгуру.

ЭРАЗМО

У каждого имелся какой-то изъян. Олень-альбинос, дрях-лый кенгуру, один из медведей был одноглазым... Который?

СЕВЕРИН

Гонзало. У Тринкуло задняя лапа была раздроблена в ло-вушке.

ЭРАЗМО

Павлины были глухими. Питоны страдали от экземы. У половины воронов были сломаны крылья, а другая половина всё время имитировала детский плач. У Глостера был боль-ной желудок, и он мог есть только измельчённое в кашу мя-со, смешанное с молоком – этим Амаль его кормила с рук трижды в день.

СЕВЕРИН

Сперва казалось, что с комодской вараншей – Андромахой – всё в порядке. Лишь она из той компании выглядела годной для жизни в этом мире. Но у неё возникла нездоровая привязанность к Перси. Она его не покидала. Настаивала на том, чтобы пара разрешала ей спать в их комнате каждую ночь, в противном случае поднимала страшный шум и гам, завывала, как сломанная труба, пока они не сдавались.

ЭРАЗМО

Ты пыталась выучить этот крик.

СЕВЕРИН

Но меня всё равно в их спальню не пустили.

ЭРАЗМО

Амаль коллекционировала сломанных чудовищ.

СЕВЕРИН

И потому мы естественным образом сделались частью коллекции. Тигры спали в моей комнате, когда не работали. Когда я устраивала чаепития, приглашались только тигры.

ЭРАЗМО

Амаль была первым человеком в твоей жизни, который не уделял тебе прорву внимания.

СЕВЕРИН

[смеётся] Эй.

ЭРАЗМО

Ничего не «эй». Даже внимания шестерых тигров не хватило бы для того, чтобы ты успокоилась. Послушай, а давай-ка мы поговорим о тебе ещё немного, а потом перейдём к вопросу о том, вращается ли мир вокруг Северин Анк или нет. Мне нравится Амаль. Я никогда с нею не встречался, но она мне нравится. У неё был этот зоопарк, и она любила Перси, а с тобой обращалась чуть лучше, чем с глухими павлинами, но не так хорошо, как с тигром Глостером. В конце концов, тебе же не надо было перемалывать мясо в кашу. В тот период были целые недели, на протяжении которых тебя вообще не снимали.

СЕВЕРИН

Не вздумай сказать это при Перси.

ЭРАЗМО

Мне нравится думать о той версии тебя, которая не ищет камеру каждую секунду.

СЕВЕРИН

Амаль однажды сказала, что я нуждалась в её тиграх боль-

ше, чем в матери. Что во мне столько всякого-разного, как на сырной тарелке. И что немного тигриного дерьма лишь к лучшему для девочки, которая живёт в сказке.

ЭРАЗМО

[Широко, искренне и тепло улыбается.] Могу стать тигром, если хочешь. Погляди, какие у меня большие зубы.

СЕВЕРИН

[не обращая на него внимания] Она всё равно ушла. Один из более молодых тигров, Кортес, откусил ей руку на съёмках «Юпитерианского цирка». Она надевала на него шапочку коридорного, а он взял и оттяпал ей кисть. «Как бы ты ни думала, что познала чудовище, – сказала она в госпитале, – сколько бы любви ты в него ни вкладывала...» – и помахала культей. Но всё равно вынудила поставить в палате широкую кровать, чтобы Кортес мог лежать рядом с нею, пока она выздоравливает. Он клал свою большую голову ей на колени и не двигался с места. Она спала, положив единственную ладонь ему на загривок. Перси ни разу её не навестил. Полагаю, двенадцатилетней девочке и в голову не может прийти то, какие вещи происходят между супругами, в особенности такими, которые в первую очередь озабочены объективами и полуприрученными чудовищами. Но когда Амаль выписали, она отправилась в свой шале на Пике Ампера и послала за остальными зверьми.

ЭРАЗМО

Кроме двух.

СЕВЕРИН

Кроме Глостера. Я обнаружила его на своей кровати – лежал, подставив брюхо для чесания, и к шее его была привязана записка, на одной стороне которой содержались инструкции по приготовлению каши, а на другой было написано: «Сколько бы любви ты в него ни вкладывала».

ЭРАЗМО

И?

СЕВЕРИН

[тихонько смеётся] И ещё была Андромаха. Держу пари, она тоже распласталась на постели Перси, воркуя и язычком трогая подушки. Иногда мне кажется, Амаль так пошутила над ним напоследок. Перси денно и ночью жаловался на Андромаху, но нехотя кормил её яйцами всмятку за завтраком, когда она тыкалась носом в его халат, и звал «адской сукой» тем же тоном, каким называл меня «дорогая». Один-единственный раз я застучала Перси за тем, как он чесал ей нос, и ему из-за этого было стыдно. Но, честное слово, я думаю, что если бы Андромаху разлучили с Перси, она бы легла и умерла. Мне кажется, Амаль оставила ему ящерицу вместо

жены.

ЭРАЗМО

А потом была Фаустина.

СЕВЕРИН

[Её взгляд становится отрешённым, затуманенным. Она прикусывает щёку с внутренней стороны.] А потом была Фаустина, моя пятая мать. Она продержалась всего один год. Оперная певица. Начинала как сопрано, но в итоге превратилась в альт. Грудная клетка как бочонок с бурбоном. Все её обожали. Она была олицетворением смеха.

ЭРАЗМО

И страстной любительницей китового уса.

СЕВЕРИН

Ну а кто его не любит? [СЕВЕРИН отковыривает ногтем корочку эф-юна и с печальным видом её обсасывает.] Но Фаустина выросла не где-нибудь, а на Венере. Я никогда не встречала человека, родившегося на Венере. Я считала её волшебной. Настоящая Веспертина Гиперия поселилась в моём доме и, лёжа на моей постели, рассказывала истории о пиратах мальцовых морей. Её родители работали там ныряльщиками и остались насовсем. В утробе матери она в буквальном смысле плавала в мальцовом молоке. Её мать напо-

ролась на огромную жилу в одном из дальних китов, когда была на шестом месяце. Мы здесь считаем, что мальцовое молоко – это самая важная вещь в жизни, но на Венере такое заявление отнюдь не метафора.

ЭРАЗМО

А вот китовый ус...

СЕВЕРИН

Знаю. Дама может курить свой эф-юн на ступенях «Актеона», и всё равно её будут называть прекрасной как лебедь, истинным подарком для мужчины и для сцены. Он нежный, из чистого мальцового молока, к которому ничего не добавляют, кроме толики какао-масла, толики спорыньи и толики кокаина. Порок, коему можно предаваться в гостинной. А вот китовый ус – завтрак шлюхи. Ты когда-нибудь видел кусочек китового уса? Будучи замужем за моим отцом можно позволить себе лучшее. Ей его приносили каждое утро на нефритовом подносе. На чёрной кружевной салфетке. Он похож на белую клавишу от пианино. Примерно такой же длины и толщины. Ломается, как твердый шоколад. Пахнет понедельничной стиркой. Сырое мальцовое молоко, перемешанное с соей, промышленным отбеливателем, сахарным тростником, щепоткой олеандра, крупницей борной кислоты и щедрой порцией героина.

ЭРАЗМО

Она давала его тебе.

СЕВЕРИН

Ну ещё бы. Мне было четырнадцать. Ты хоть представляешь себе, на что способна пойти четырнадцатилетняя девочка, чтобы её полюбили? Я в четырнадцать отнюдь не была невинной, но не она меня испортила. Я успела попробовать всё, что можно заливать в глотку или вдыхать носом. Перси было наплевать. «Опыт, – говорил он. – Опыт – единственный мотив и единственный хозяин». Однажды я спросила Фаустину, на что похожа Венера. Она вложила в мою ладонь палочку китового уса и ответила: она вот такая, малышка. Я его съела, свернулась клубочком рядом со своим тигром и отправилась на Венеру с мамой.

ЭРАЗМО

И на что это было похоже?

СЕВЕРИН

Это было всё равно что оказаться внутри звезды. Как будто внутри тебя зажглась звезда. А потом Фаустина запела, и это тоже было похоже на звезду. Синюю и раскалённую, летящую во тьме вместе с красной звездой, которой была я. Помню, она спела открывающую арию из «Её последнего ноктюрна», и я увидела, как ночное небо изливается из её

рта. Каждый раз, когда я после этого шла на её выступления, даже спустя много месяцев, мои глаза видели одно и то же. Черноту и звёзды, которые хлестали из её рта и лились потоками на доски пола. Галактики и пустота капали с её подбородка. Её зубы полыхали. Я рассказала ей об этом как-то вечером в декабре, и она прошептала: «Знаю, детка. Я тоже это вижу. Это мои внутренности выходят наружу. Иногда я вижу это так ясно, что убираю ноги в сторону, чтобы туфли не запачкать. Но так всё и выглядит, когда ты всё делаешь как надо, там, наверху. Может, и ты когда-нибудь всё сделаешь как надо, и я увижу, как твои внутренности извергнутся наружу. Это будет мило. Ведь мило, не так ли?» А потом она опустила голову мне на колени и умерла. У мисс Фаустины внутри было так много китового уса, что он начал мешать работе её организма, и она умерла, отравленная собственными жидкостями.

[СЕВЕРИН и ЭРАЗМО несколько секунд молчат. На дисплеях тикают цифры, огоньки исправно мерцают, точно свечи.]

После неё появилась Арасели Гаррастазу. Роковая женщина, противоположность Мэри Пеллам – безупречная ведьма-соблазнительница для любой из напряжённых фантазмагорий моего отца. Я с нею толком и не общалась. Я в тот период водилась со всеми волками, какие только меня принимали. Огни Титона всякий раз оказывались привлекательнее серости «Вираго». Сниматься я не хотела, но всё равно

спала с продюсерами; мы с Глостером каждые выходные плясали на яхтах с соперниками моего отца, и я уводила в каюту девушек и парней, навешав им на уши бесконечно длинную лапшу: «Да, конечно, дорогой, он как раз изо всех сил ищет следующую звезду, а ты такой милый. Ты оглушительно талантлив. Ты безупречен. Ты безупречен!» Пока не приключилась та жуткая история с Таддеусом Иригареем. Должна признаться, у меня отшибло желание продолжать. А к тому моменту Арасели уже уехала, чтобы заново отыскать себя на радио. [СЕВЕРИН поглаживает горло кончиками пальцев – не то задыхаясь, не то желая изгнать что-то из себя.] Мы почти закончили, верно? Осталась Люмен. Люмен теперь моя мать, счастливая семёрка. Она причина, по которой со мной на корабле путешествует самый настоящий цирк. Я её люблю. Я люблю Люмен Мольнар за всё, чем она не является. Я её люблю, потому что она совсем на меня не похожа. Я её люблю, потому что она никогда не была на Венере. Я её люблю, потому что у неё только одно лицо. Я её люблю, потому что прямо сейчас она ужинает в столовой с Максимо, Марианой, Августином и Глостером. Потому что она отправилась со мной. Тех, кто следует за мной, я буду любить, пока Юпитер не выгорит дотла и мальцовые киты не заговорят человеческим голосом.

[СЕВЕРИН сжимает руку ЭРАЗМО. Впивается ногтями. Но говорит она, обращаясь к камере.]

Хотите знать правду о моей матери? Она была чудесная.

Она была добрая. Она никогда меня не покидала. Она баюкала меня по ночам и будила по утрам. Она играла со мной каждый день и ни разу не забыла почитать мне вслух или рассказать сказку на ночь.

Звали её Клара.

В ней помещалось чуть меньше 150 метров киноплёнки одновременно.

Ох уж эти скандальные звёзды!

«Прожектор», 20 февраля 1933 г.

Колонка редактора: Железная рука Эдисона

Простое правило, которое просто воплотить в жизнь:

Кино должно быть немым.

Но чьё это правило? Какой Моисей спустился с горы с подобной заповедью, выгравированной на его персональной скрижали?

Конечно, нынешнее положение вещей – совсем не то блистающее будущее, которое воображали себе ранние мастера света и звука. Не неопалимая купина, но адвокаты, обуреваемые неопалимой жадой гонораров, воплотили в жизнь правило Эдисона. Имя Эдисона сделалось синонимом наиподлейшего способа ведения дел и самого сокрушительного высокомерия. Этим клеймом отмечена вся семья, от Томаса Альвы, который собирал патенты, как бейсбольные карточки, до Нынешнего Эдисона, который продолжает вести такую драконовскую стратегию, что единолично спровоцировал отставание кинематографических технологий на пятьдесят лет.

Ваша покорная слуга уже публиковала раньше такие редакторские колонки. Мои читатели должны быть терпеливы. Принимая во внимание то, что вскоре в славном метрополисе Гуань-Юй, расположенном на блистающих берегах за-

лива Йеллоунайф на нашей дорогой планете-сестре под названием Марс, состоится Всепланетная выставка – первая из устроенных не на Земле, – разве может найтись лучший момент для того, чтобы мистер Франклин Р. Эдисон (для друзей – Фредди) ослабил патентные тиски, сжимающие киноплёнку, записывающее и демонстрационное оборудование, и позволил говорящему кино свободно развиваться? Ведь, в конце концов, таково естественное состояние технологии. И такой она была когда-то. Прежде чем право говорить и привилегия на голос сделались собственностью одного человека, который получил возможность давать их и отнимать, как вздумается.

«Все по местам!», 14 апреля 1933 г.

Колонка редактора

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Вот как в песне поётся. В ней не поётся, что «в начале было Слово, и Слово было у Патентного Бюро, и Слово лишь Бог мог кому-то уступить». В ранние времена, ненадолго, самые богатые студии и режиссёры – и, разумеется, правительства – могли позволить себе платить непомерные суммы Эдисону и его потомкам за использование и показ фильмов. То был ускользающий миг, когда великие эпика Уорли и Дюфресне сопровождались потрескивающей оркестровой музыкой и монологами. Но долго это не продлилось.

Можно лишь прославлять независимых творцов, которые просто игнорировали Эдисона и продолжали делать красивое немое кино, более продвинутое, сложное и душераздирающее, чем любая говорящая лента какой-нибудь студии-одногодневки, поднявшая шумиху в летний сезон. Я это помню. Звуковое кино уходило прочь, сперва медленно, потом ещё медленней. В конце концов говорящий актёр на экране сделался признаком Продажности – того, что кое-кто обладает достаточно глубокими карманами, чтобы платить Эдисону его чудовищное вознаграждение. Все поверили в то, что Истинный актёрский талант, Качественная работа или Настоящий фильм не могут быть связаны с этим надоедливym шумом. И постепенно Большие мальчики с Луны стали копировать то, что делали голодающие художники, желая убедить публику в своей Подлинности, Великих эстетических заслугах – короче, чтобы смазать свой хлеб маслом с обеих сторон. Мы дарим людям Зрелище! Бабах, тарарах, уйии, крещендо! Нет, постойте! Мы Радикальные Художники-Новаторы! Тсс, тсс, ещё тише. Получай награды, заряди пушки наличностью, купайся в аплодисментах – и, чёрт возьми, можно здорово сэкономить, если не придётся где-нибудь в задней комнате выкупать у дьявола заветный микрофон.

И вот мы оказались в краю, где всё вверх тормашками: технология существует, прекрасно работает, даже развилась – ибо ни один Эдисон не может вечно держать под контро-

лем всё, что ему принадлежит, — но ни одна душа, следующая велениям моды, даже не думает о том, чтобы её использовать. По всему нашему миру раздаются голоса: СТОЙТЕ! Система работает. Люди просят, чтобы всё и дальше продолжалось так, ибо единообразие выгодно. Наш друг Фредди Э всё ещё пьёт кровь у кинопроизводителей из-за прав на демонстрацию, и все мы можем отвернуться, пока он катается как свинья в своих барышах. Время идёт, и мы привыкаем к сложившемуся положению вещей. Театр Говорит, Водевиль Поёт, Радио Безостановочно Вопит, но в синематографах тихо как в церкви. Время идёт, и публика впитывает эту истину с молоком матери. Я видела собственными глазами, как зрители вздрагивают от отвращения, увидев какое-нибудь кино, чьи продюсеры разрезали на ломтики собственные сердца и подали Эдисону, сидящему за золотым столом, ради права на то, чтобы бедолага Гамлет задал свой знаменитый вопрос вслух вместо того, чтобы безмолвно уставиться на гипсовый череп в ожидании, пока карточка для титров проделает за него всю работу. Сегодняшний завсегдатай кинотеатра встанет и уйдёт, убеждённый в том, что его обвели вокруг пальца, но не станет слушать человеческий голос.

Чего стоило бы Дружище Фредди попросту позволить нам говорить?

И всё же, всё же... У тишины своя красота. Я не могу поверить, что ленту вроде «Принеси мне сердце титана» Сола Амсела могли бы создать в мире, где каждый фильм болта-

ет в своё удовольствие. А как быть с «Арденской Луной»? «Последним канониром»? Если бы я могла перевести часы назад и спихнуть Фреда Эдисона с его добытого нечестным путём целлулоидного трона, я бы потеряла эти киноленты, которые трижды обьяли моё сердце. Он приковал нас к скале Прометея – но разве мы не подружились с орлом? Разве мы не приучились к тому, чтобы любить жизнь и без печени?

Всепланетная выставка – время братской любви и доброй воли. Это олицетворение прогресса и чудес современности.

Давайте я заявлю без обиняков: мистер Эдисон, убирайтесь с дороги.

**Хальфрида Х.,
главный редактор**

У меня нет желания отказаться от редкой и диковатой магии наших тихих синематографов. В них тихо как в церкви, да. Потому что они и есть церкви. И всё же я не в силах смириться с мыслью, что никогда не услышу, как угрюмый датчанин пытается решить свою судьбу и не может этого сделать. Для него вопрос навеки останется «Быть или не быть?» А для нас таковой звучит иначе: говорить или не говорить?

Сам я не стану выступать с прямолинейными заявлениями, ибо эта область для меня в какой-то степени непостижима, всё в ней перемешалось и перепуталось. Я скажу так: мистер Эдисон, по вашей милости мы оказались в ссылке в странных чертогах разума. Не ждите, что за это мы вас по-

любим.

**Элджернон Б.,
главный редактор**

Посмотрите вниз

Посмотрите вниз.

Вдоль сцены на вашей коже. Грациозный просцениум ключицы, плеча, длинных костей предплечья. Авансцена нежного живота. Скена ²⁹ черепа, где прячутся все боги и машины, ждут сигнала, гремят в своих ящиках, выдыхают дым и тоскуют. Посмотрите вниз; что-то происходит около пупка, омфала, стянутого узлом мирового ядра. Вы не можете чувствовать, как свет играет на вашем теле, но всё равно покрываетесь гусиной кожей. У света нет личной температуры. Но ваше тело инстинктивно понимает, что свет холодный. Идея света, нарратив света. Свет заморозит вас так, что вы посинеете. Обманищик-мозг настаивает, что у мелькающих изображений в действительности есть вес; они давят, точно пальцы, окрашенные в полутона серого, пальцы трупов, пальцы ангелов, иномирные пальцы. Прикосновение изображений вас искажает – так и должно быть, с этим ничего нельзя поделать. И эти картинки, эти световые карты, не просто касаются, они входят в вас. Фотоны сталкиваются с плотью; большинство отскакивают, некоторые проникают. Вы несёте их внутри себя. Вы уносите их далеко-далеко.

Вы их чувствуете, хотя они неосязаемы. Вы дрожите, но

²⁹ Просцениум (просцениум) и скена – элементы древнегреческого театра.

холода нет. Вы берёте их внутрь себя, хотя они не спросили дозволения.

Это чувство похоже на дыхание. На выдох, который вы сделали давным-давно, но ощутили только сейчас.

Лицо Северин растворяется, превращаясь в другое лицо. Оно красивее. Любой это признает. Оно обладает неким сходством с засушенной бабочкой и указывает на то, что его обладательница, по чистому стечению обстоятельств, от рождения имела в точности те черты, какие ценила её эпоха. По современным меркам, оно слишком изящное и лукавое. Слишком изысканное, чересчур женственное, чтобы соответствовать нынешней неистовой увлечённости андрогидами. Рот маленький, сердитый, похожий на рождественский бант. Огромные глаза глядят с лёгкой обидой. Светлые волосы, выующиеся, как у статуи Аполлона, плотно льнут к голове, обрамляя личико в форме сердца. В безупречной линии челюсти ощущается смутный намёк на капризный нрав. Брови взмывают высоко, выше, ещё выше, точно круглые скобки, обрамляющие её лицо-предложение – и это предложение гласит: «Любите меня, и я рассмеюсь для вас, и, если вы сумеете заставить меня рассмеяться, мой смех без особого труда спасёт весь мир от смерти».

Это Мэри Пеллам. Лунная Милочка. Инженю по найму. В семнадцатилетнем возрасте сыграла первую значимую роль: Клементина Солт, наследница с пистолетом в нижней юбке. «Встретимся на Ганимеде» (реж. Эстер Химе-

нес-Штерн, студия «Каприкорн», 1908 г.) – в нём у мисс Пеллам всего-то четыре минуты экранного времени, полторы из которых она проводит запертая в анабиозной капсуле, молотя по стеклу кулаками, как Белоснежка, не прочитавшая сценарий. И всё равно ей удалось переиграть почти всех. После «Ганимеда» она будет неуклонно, пусть и без впечатляющих успехов, трудиться на ярмарке девиц – внешность у неё слишком невинная для злодеек, слишком ангельская для падших женщин. То в бедственном положении, то вне такового, она останется девицей на сцене, пока морщины не подпишут её заявление об увольнении. Лишь тогда её карьера действительно рванётся с места в карьер. В шляпе хомбург и с повязкой на глазу она сделается мадам Мортимер, величайшим детективом девяти миров. Наши с ней пути пересекутся, когда она выстрелит злодею в глаз.

Улыбка Мэри как прожектор – тот, к кому она обращена, делается ярче, становится более настоящим.

И вот она обращается к нам.

Руководство инженеру

Начато 20 августа 1908 г., без четверти три пополудни

Автор: Мэри Александра Пеллам (17 лет)

Город Кузнечика, Луна

Я прибыла на Луну, чтобы сколотить состояние!

Господи боже, разве не это говорят все девушки? И юноши, и богатеи, и нищие, и аферисты, и настоящие артисты, чёрт бы их побрал, и поселенцы, и искатели серебра, и писатели, и бывшие водевильные исполнители, и банкиры, и гангстеры, и покровители – ох, покровители! Не забывай называть их «покровителями», милочка, пока они трогают тебя за коленку и потеют так, что даже через ткань юбки чувствуется – старые извращенцы, да и молодые такие же. Всякая цыпочка ненавидит быть клише, но, едва ступив на эту каменюку, которая по сути – одна громадная съёмочная площадка да и только, ты быстренько понимаешь, что лишь будучи клише можно рассчитывать на подписанный чек и крышу над головой. Иди-ка в гардеробную, душенька, у нас там шлифовальный станок, который расправится с любой оригинальностью, не задекларированной на таможне. Никаких проблем.

По правде говоря, мне и напрягаться-то не пришлось. Ме-

ня как будто из выставочного зала прислали. Последняя и самая лучшая модель, лоск и блеск, поставка первым классом, безупречная инженерная разработка и промышленная подгонка под заводские спецификации! Приобретайте сейчас, пока не вышла серия 1909 года!

Я такая. И этого не стыжусь. Только хихикаю от души. Я Девчонка. Мне даже имя, в общем-то, не требуется. На каждом прослушивании набивается полная комната розоволицых заготовок для купидонов, и все они выглядят и разговаривают в точности, как я. И страдали они столько же, сколько я: достаточно для того, чтобы глядеть с многозначительным прищуром, но недостаточно для того, чтобы испортить цвет кожи. А ещё они все прибыли на Луну в качестве груза, прямо как я.

Проверьте моё резюме, если вам есть до него дело. Родилась в Оксфорде (Англия, Земля), в тысяча восемьсот девяносто первом. Мама была как мама, но занималась кое-чем художественным, так что можете не сомневаться, что амбиции зародились во мне честным путём. Она рисовала. Она покрывала холсты портретами премированных роз из своего сада – больших и маленьких, красных, розовых, коралловых и красновато-коричневых, как оттенки помады. Дикие, чайные, негибридные. Жутковатые, покрытые каплями влаги. Вот что я вам скажу: если взглянуть на бутон пелламской розы крупным планом, три на три метра, он выглядит розовато-лиловым монстром. Разинутой пастью, которая готова

проглотить вас целиком. Папа был профессором лингвистики. Пеллам-старший участвовал в написании словаря, так-то. Воззритесь же на моё детство, о пытливые умы: я сотворена из роз и этимологии.

Ясное дело, я сбежала в Камден, как только мои безупречные икры сумели меня унести. Долой обеда, за которыми на мои бобы с картошкой пялились исполинские глотки с многозначительно вздыбленными тычинками. Долой греческое происхождение обычных бытовых слов. И вот это тоже долой: «Должен сообщить, что в этом году мы начали работу над словами, которые начинаются с „дж-“, и вы понимаете, о чём речь: шакалы, джаггернаути и джунгли! ³⁰ Происходящие, соответственно, от санскритских корней *srgalah*, „воющий“ *jagat-natha*, „повелитель мира“ и *jangala*, что, удивительное дело, означает „сухость“». Ну как от такого не завопить?

Я едва не завопила. Дело в том, что когда тебе в жизни достаётся по-настоящему тухлый жребий, надо выдержать, собрать все силы, затянуть пояс потуже. Однако если твоя участь лишь чуточку раздражает, лишь самую малость угнетает – что ж, надо рвать когти, и без промедлений. Будь я трижды проклята, если окажусь в конце концов в хижине какого-нибудь лицемерного аспиранта, ухватившись за рисование роз как за спасательный круг. Ах да – в Камдене ни в коем случае нельзя было оставаться! Нельзя, раз уж имелся

³⁰ В английском языке все три слова начинаются с одной и той же буквы «j».

способ оттуда удрать. Нельзя, в особенности тем, кто из той же породы, что и я.

Нет, в те дни – а под «теми днями» я подразумеваю наши дни, а под «нашими днями» подразумеваю все дни, какие ещё наступят, – выбор был небеса или ничего. При наличии мозгов и страстного желания чего-то лучшего, чем потрепанная старушка Земля с её вспыльчивыми старыми империями, любой откладывал деньги на билет или уже давным-давно улетел на какой-нибудь ракете. Прошло пятьдесят лет с того великого ограбления поезда, которое устроили мастер Конрад Ксавье Верныгора и его старшая сестра, мисс Карлотта Ксантея, пара рождённых в Австралии польских котятков, которые сбежали с сортировочной станции Хобсонс-бэй, прихватив с собой запчасти, ланч и практические познания в инженерном деле, чтобы взорвать свою маленькую «бомбу с вишнями»³¹ на Гавайях, где экватор любит нас и желает нам счастья. Я рисовала этот легендарный первый корабль в школьных учебниках. «Древо познания», запущенное из гребаной цирковой пушки; аккуратная капсула, на которой красовались отпечатки их ладоней, испачканных в золотой краске. Корабль донёс Конрада и Карлотту до самой Луны и приземлился под воздействием здешней изящной гравитации прямо... ну, почти туда, где я сижу, где ныне расположена гостиница «Савой» в Титоне, с видом на утопающий в серебре берег Моря Облаков.

³¹ «Бомба с вишнями» (cherry bomb) – разновидность фейерверка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.